

The background of the book cover is a vibrant, stylized illustration of a tropical jungle. Large, green, and blue leaves with prominent veins fill the scene. In the upper left, a black metal oil derrick or drilling rig stands against a light blue sky. In the lower center, four men in dark business suits are depicted as black silhouettes, standing in a row and looking towards the right. The overall style is graphic and modern.

Брюс Федоров

Острова Желаний

Брюс Федоров

Острова желаний

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2015

Федоров Б.

Острова желаний / Б. Федоров — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC»,
2015

«Острова желаний» – повесть о чести и долге, непростом выборе своего жизненного пути. Герои книги, в ситуации конца 90-х и начала нулевых годов в России, вынуждены решать вопросы войны и мира на фоне событий, разворачивающихся в Москве, странах Европы, на водных просторах Тихого и Атлантического океанов и джунглях Амазонки

© Федоров Б., 2015

© PUBLISH-SELL-BOOK LLC, 2015

Содержание

Предисловие	5
Глава I	7
Глава II	9
Глава III	15
Глава IV	18
Глава V	23
Глава VI	27
Глава VII	33
Глава VIII	38
Глава IX	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Брюс Федоров

Острова желаний

Их жизнь загадка, а дела и имена – государственная тайна. Любые совпадения с реальными личностями носят случайный характер и не входят в намерения автора.

Предисловие

2000-й год Россия встречала во всей красе сумерек постперестроечного периода.

Московский седой профессор с тревогой осматривал немногочисленную, но очень шумную студенческую аудиторию, стараясь понять с какой целью в прославленном вузе собрались эти непонятные ему молодые люди.

Тем временем, на бескрайних бетонных полях ОКБ им. В.М. Мясищева свободно гулял ветер, он вихрем врывался через полуоткрытые окна в пустующие анфиладные залы, некогда наполненные творческими коллективами конструкторов, создававших уникальные авиационные комплексы, в сердцах хлопал дверями, сдувал пыль с пустых стеллажей.

Выходит, именно он, ветер перемен поднял в воздух и смял в огромный никому не нужный ком смелые инженерные идеи, поражавшие когда-то своей простотой и гениальностью целый мир?

От бывшего монолита, где некогда родником была техническая мысль осталась лишь охрана, с удовольствием разминавшая на турникетах свои истерзанные тренировками мышцы, да сиротливо собравшиеся в небольшом ангаре образцы технических забав: девятиместный самолет "Гжель" и моноплан для исследования верхних слоев атмосферы "Стратосфера".

Кажется, что вся грозная мощь одного из лучших КБ страны вдруг сжалась в кулак и стыдливо спряталась на дальних аэродромных площадках как скромная Золушка, вернувшаяся к порогу своего кухонного царства, только вместо ударных авиационных комплексов она увидела громоздкий "ЯК-40" с огромной бортовой надписью: "Алла".

А в Дубне или Протвино старенький советский синхрофазотрон кашлял и накалялся, безуспешно пытаясь разогнать элементарную частицу до прежних параметров, мечтая выполнить контракт и наполнить скудный бюджет бывшего научного флагмана бывшей великой страны.

По разбитым тамбовским животноводческим комплексам неспешно прогуливался пьяненький колхозный сторож, стараясь найти в бесформенных кучах строительного мусора металлические части от дойного аппарата "Ёлочка", которые можно было бы сдать на металлолом и на вырученные копейки со смыслом провести надвигавшийся хмурый вечер.

Согбенная армия чинила сапоги, резала ракеты и на запойных офицерских застольях всё ещё вспоминала былые подвиги и печально склоняла головы перед своими победными боевыми знаменами.

А на улицах больших городов, обросших пестрыми плакатами и световыми рекламными панно, привлекающими торопливых и всегда чем-то озабоченных пешеходов в вихревые потоки начального накопления капитала, было совсем весело.

Тяжелые шестисотые мерседесы, окруженные охраной в черных утюгах "Expedition", ледоколами проламывали застывшие городские пробки под услужливые приветствия автомобильной инспекции.

Бравые парни с тугими шеями и свинцовыми затылками четко определяли расстановку национальных экономических приоритетов и указывали государству на его место.

Звонкие рассыпчатые пистолетно-автоматные выстрелы безапелляционно и легко решали, казалось бы, сложные вопросы имущественных отношений, выбивая из них зануд и смутьянов.

А буйный шаман в алкогольном мереченье всё кружил и кружил в бесноватом забвении над поверженным телом раненой птицы-лебедя при равнодушии одних и зачарованной отупелости других, предавшихся беспamięтству в ожидании обещанного чуда. и изгнавших из душ любовь и отвагу в угоду вседозволенности и златоопастию.

Разлетелась, с погребальным звоном распалась убогими национальными осколками великолепная мозаика, собранная тысячелетним трудом многих народов. В исторической сумятице была оборвана солнечная нить межнационального единства и сотрудничества, питавшая своей животворящей силой созидательную работу, в чем-то наивную и тщетную, где-то непонятную, но, несомненно, отважную и героическую, по возведению невиданного в истории людей здания гармонии и справедливости.

Безвозвратно ушел не только 20-й век, но целое тысячелетие. Канула в лету эпоха становления невероятного по своей духовной и созидательной мощи государства, избравшего своей отправной точкой Корсунь и христианский подвиг святого князя Владимира-крестителя; страна, через победы и тяжкие испытания отвоюевавшая право на шапку Мономаха, державная тень от которой из столетия в столетия растекалась по странам и континентам, объединяя и примиряя разноязыкие племена и народы, в стоическом стремлении воплотить в жизнь идею под названием Святая Русь.

Открылась новая страница истории. Кто-то неведомый и могущественный уже начал вписывать первые строки в канву нового неожиданного сценария, приводя в смущение самых искусных мировых оракулов.

Бредущая во тьме новая Россия начала свой тернистый путь не с великого духовного помысла, а с детской нетерпеливой прихоти ожидания ваучерного счастья.

Видно где-то спряталась, до поры затаилась птица Феникс и недосуг ей оберечь и прикрыть своим крылом расшалившихся детей.

* * *

Глава I

И всё же, подчиняясь законам вечности, 2000-й год утвердился на календаре, уверенно перелистывая месяц за месяцем, пока не остановился на октябре, когда налет увядания уже прошелся по кронам деревьям, собирая на газонах аккуратные кучки из опавшей листвы, опутанной белесой паутиной.

Московская осень всегда умела в нужный момент порадовать жителей вечного города свежим дыханием позднего "бабьего лета", решительно смывая зеленую краску с многочисленных парков и бульваров, и смело добавляя в листву деревьев и кустарников золотисто-багряные, бурые и даже коричневые тона.

В один из таких погожих октябрьских дней, когда нисходящее солнце дарило городу последнюю усладу тепла, в офисе небольшой частной компании с экзотическим названием "South American Technologies", тихо совещались двое мужчин. Контора располагалась в районе метро Академическая, на улице с точно таким же названием, в одном из непримечательных зданий, сооруженном из кривых железобетонных блоков, которыми густо утыканы все российские города.

Мужчинам было около сорока, и они находились в лучшей мужской поре, когда тело сохраняло ещё много сил и энергии, а голова была основательно упакована разнообразными событиями бурного прошлого, которые принято называть уникальным житейским опытом. День был свободным, в том смысле свободным, что немногочисленным служащим компании было разрешено провести его по своему усмотрению с безусловным сохранением денежного содержания.

Чтобы исключить вторжение случайных посетителей, мужчины заблокировали электронный доступ в офисное помещение и прошли в комнату отдыха, обставленную в строгом стиле классического будуара. Здесь превалировала осанистая кожаная мебель, столь любимая людьми основательными и презирующими современные изыски дизайнерского модернизма. Интерьер дополняла обязательная для мира средних фирм и компаний профессиональная видео – и аудио система, а также пара искусственных декоративных деревьев, призванных имитировать пейзаж среднерусской полосы. Изюминку обстановке придавал массивный деревянный стол с полукружьями удобных развалистых стульев. Казалось, вся обстановка предназначалась больше для веселых дружеских застолий, нежели для нудных служебных совещаний.

Один из мужчин, чуть повыше ростом и откликавшийся на имя Влад, был одет в деловой темный костюм со светло-серой строчкой, и расстёгнутую на две пуговицы от воротника белую рубашку, правда, без галстука, безучастно повисшего на подлокотнике одного из двух массивных кожаных кресел. Влад подошел к бару-купе из бразильского фернамбукового дерева с инкрустацией, открыл стеклянные створки с золотистыми ручками и, полуобернувшись к своему спутнику, спросил его:

– Виктор, ты что будешь?

– Пожалуй, сегодня скотч, вот этот с рогатым оленем на этикетке.

– Тогда это и мой выбор, – согласился Влад.

Из бара были извлечены тарелка с дежурным набором соленых орешков, долек лимона, разноцветных сухофруктов и бутылка доброго шотландского виски "Dalmore" с узким горлышком.

Расставив приборы на сервировочном столике, мужчины расположились напротив друг друга на полукруглом диване из дорогой английской кожи бордового цвета, чтобы свободно и уютно чувствовать себя в ходе ожидавшей их длительной беседы.

Без лишних слов стаканы для виски были наполнены и также в молчании выпиты.

Несложно было догадаться, что мужчины были давно и хорошо знакомы и испытывали друг к другу взаимные дружеские чувства, что лишний раз подтверждала особая теплая улыбка, которая регулярно появлялась на их мужественных лицах в процессе завязавшегося разговора, содержание и смысл которого нам станет известен несколько позже.

– Словом, Виктор, – произнес Влад, подытоживая беседу – через месяц нам лететь в Париж.

Глава II

Отправлявшийся через месяц рейс из Москвы АF – 1845 был утренним, что предвещало большой и насыщенный событиями день в Париже.

Унылая погода конца ноября, столь обычная для Москвы, отказывалась создавать нужное для таких случаев приподнятое настроение, заставляя воспринимать предстоящие переговоры во французской столице с чувством устойчивого пессимизма, столь характерного для умонастроений большинства людей в России начала нового 21 века.

Аэропорт прежнего, ещё того Шереметьево, уже начал выстраивать свой суетливый рабочий день.

С каждым часом всё возрастающая разноплеменная людская масса постепенно и всё больше накапливалась в его центральном зале, то создавая пузыри из гомонящих туристических групп, то дробясь на представителей особой категории пассажиров, которые предпочитали пораньше прибывать в московскую воздушную гавань с тем, чтобы, заняв лучшие стулья и стойки многочисленных баров и кафетериев, предаться торопливому предполетному чревоугодию и загодя заправиться перед вылетом парой кружек нефilterованного мутноватого пива и порцией всесезонного фастфуда.

Высокий потолок, с висящими медными трубами, похожий на гигантский орган, казалось, аккумулировал все звуки, которые порождали голоса и шарканье ног суетившейся внизу людской толпы.

Широкая, похожая на площадь территория холла была сплошь утыкана разновеликими монбланами из неряшливых перетянутых ремнями чемоданов, затертых дорожных сумок, узлов и корзин. За поклажей зорко следили полусонные страдалцы, коротающие ночь в ожидании отложенных рейсов.

Ну что ещё можно сказать о жизни ведущего аэропорта страны того времени?

Вот семья из мамы, папы и звонкоголосых деток, в окружении громоздких, разновеликих баулов и больших перевязанных пластиковых пакетов. Они предвкушают скорую встречу с одним из курортов Средиземноморья, который, по определению, должен быть одновременно и недорогим, и престижным, и достойным того, чтобы по возвращению быть упомянутым в разговорах с друзьями, такими же искателями комфорта и развлечений по ценам ниже плимтуса трехзвездочного отеля.

А вот крикливая, как стая гомонящих воробьев, туристическая группа, где каждый старается переговорить или перекричать другого, рассказывая о необыкновенных приключениях, которые довелось пережить ему где-то и когда-то, в краях неведомых и другим недоступных.

Всем этим разноголосым хором управляла воля невидимого дирижера-информатора, металлический голос которого срывал с насиженных мест завсегдатаев аэропортных баров, заставляя их с энтузиазмом подхватывать свои неподъемные чемоданы и тюки и устремляться к пунктам таможенного, билетного и паспортного контроля.

Лица людей моментально приобретали серьезный и ответственный вид, словно они готовились к принятию важнейшего жизненного решения, а в их разноголосицу вплеталась ниточка тревоги, как это обычно бывает перед дальней дорогой.

Посадка на разнонаправленные рейсы объявлялась все чаще, вызывая всплески эмоций и приводя в движение тонкие человеческие ручейки, плавно перетекавшие к стойкам таможенного досмотра, пройдя который, участники воздушных перелетов с чувством облегчения вновь сбивались в плотную толпу, соперничающую у турникетов проверки загранпаспортов.

Прозрачные плексигласовые кабинки погранслужбы воспринимались разноликой публикой в качестве последней линии государственной обороны России, за которой открывался проход в другой, пока ещё далекий и неосоздаваемый, но уже такой желанный и чарующий мир;

где на изумрудно-хрустальной океанской волне качались похожие на белые чайки яхты, где песчано-золотистые пляжи заполняли загорелые и беспечные люди, где зеленые парижские бульвары оплетали людские сердца вечной привязанностью. А на другом ещё более дальнем конце земли, присмотрев на обед особо сочную веточку, медленно подтягиваясь, пробирался по эвкалипту забавный мишка – коала.

Нетрудно было предположить, что именно такие картины складывались в воображении пассажиров, которые с полным правом называли себя заядлыми путешественниками. Успев приобрести со скидками общий тур за полгода, они в нетерпеливом ожидании предстоящей поездки старательно формировали в своем воображении цветастый калейдоскоп из выдуманных неповторимых событий, живописность которых дополнительно дорисовывались личной фантазией каждого.

По обыкновению, для этого раннего часа офицеры пограничной службы, уже заканчивавшие свою утомительную ночную смену, выглядели усталыми, равнодушно проверяя по "черным спискам" паспорта своих и не своих граждан.

Попав, наконец, в зону "Duty Free", где витал обманчивый дух нейтральной полосы, двое крепких мужчин прошли на второй этаж к одному из кафе-баров, игнорируя анфиладу сверкающих зеркальными витринами бутиков. Центр притяжения для тысяч суетящихся пассажиров, с удовольствием погружающихся в мир восторгов при виде больших и малых глянцевых коробочек с французской парфюмерией, шотландским виски и гаванскими сигарами.

В обоих мужчинах не трудно было узнать тех двух собеседников, с которыми нам месяц назад довелось познакомиться в офисе на улице Академическая.

– Ну что, возьмем чай с бутербродами? – спросил один из них, уже известный нам под именем Влад. На этот раз он был одет в темно-синие вельветовые джинсы и темно-бордовую кожаную куртку из лайки с накладными карманами, из-под которой выглядывали крылышки воротничка рубашки, расчерченной красно-синими линиями квадратов в стиле шотландского килта.

Его удлиненное загорелое лицо с слегка втянутыми жесткими щеками, высокий лоб с продольными морщинами, крупный квадратный подбородок и продолговатый нос с небольшой горбинкой выдавали в нем человека, сдержанного, волевого и, по всей вероятности, давно привыкшего к перипетиям походной жизни.

Светло-карие глаза смотрели несколько угрюмо, если не сказать настороженно, что, впрочем, сразу исчезло, сменившись на искорки теплоты, как только он посмотрел на своего товарища.

Его попутчиком, которого звали Виктор, был человек плотного, даже атлетического сложения, о чем свидетельствовали контуры бицепсов, рельефно выступавших даже под тканью добротного серого твидового пиджака с локтевыми коричневыми кожаными накладками на рукавах. Плотные зимние джинсы и светло-коричневые ботинки из хорошей английской кожи дополняли облик бывалого и уверенного в своей силе человека.

Оба были в чем-то неуловимо похожи друг на друга. Может тем, что имели одинаково обветренные лица с бронзовым налетом загара, оставленным нездешним солнцем. Или потому, что их движения носили выверенный и рациональный характер, в чем-то напоминавший изготовившегося к прыжку ягуара, царя хищного мира тропических дебрей Амазонии. Было забавно видеть, как в людском броуновском движении в узких и тесных коридорах зоны свободной торговли они синхронно и без труда прокладывают для себя наиболее короткий и простой путь.

Однако при общей схожести в манере держаться оба путника были людьми весьма, если не сказать во многом, разными.

Двадцать лет непрерывных странствий по различным континентальным весям и перелескам, в которых единственным критерием, определявшим всю его служебную и личную

жизнь, было боевое задание Центра, создали из Влада исполнителя, для которого чувство долга и ответственность за порученное дело превалировало над любыми другими чувствами и страстями, столь естественными и необходимыми для нормального существования любого человека.

Заряженный на непрерывную аналитическую работу, его мозг был приучен перерабатывать бесконечную череду почти всегда противоречивых фактов и оценок, вырабатывая оптимальные решения для задач повышенной сложности в ежеминутно меняющейся оперативной обстановке. Образы людей уже не могли восприниматься им под упрощенными характеристиками плохой – хороший, добрый или злой, честный праведник или отъявленный мошенник и подлец.

Любой человек в независимости от своих сильных или слабых сторон характера: профессионально успешный или погрузившийся в миазмы социального дна, общественно признанный или унылый неудачник, прозябающей в безысходности пьянства и наркотического дурмана, мог быть интересен и полезен для Влада, как уникальная возможность для того, чтобы использовать его для выполнения оперативного задания, которое должно быть выполнено безусловно.

А краткий отчет, должен был своевременно направлен в Центр, общение с которым состояло лишь из простых, сдержанных цифровых групп шифр телеграмм, да редких личных встреч с оперативными курьерами на перекрестках большого, несовершенного, погруженного в вечные дразги и конфликты мира людей.

Только за время многолетней самостоятельной работы в индивидуальном режиме Влад сумел полностью осознать суровую правоту огромного коллектива людей: оперативных кураторов, наставников, преподавателей, инструкторов по исключительным по своей специфичности дисциплинам оперативной и боевой подготовки, которые изо дня в день, не жалуясь на усталость и время, работали с ним долгие годы с единственной целью создать из него уникального по своим оперативным и боевым возможностям специалиста, готового выполнить любое задание руководства.

Только таким образом, на основе высочайшей и беспрекословной требовательности создавались одиночки; избранные, умеющие идти до конца, игнорируя вопросы жизни и смерти, а если потребуется, то и самого себя, с простой и естественной уверенностью в том, что интересы Родины превыше всего. Это были люди, для которых понятия личной славы, известности и обогащения не существовали изначально.

Понятно, что герои, выдуманные чьим-то литературным талантом и облаченные в замысловатые книжные хитросплетения и сюжеты популярных кинолент, имеют право на существование, как общественная потребность. Магнетизм, ореол и необычность личности, возвращенной и растиражированной усилиями масс-медиа, всегда призван поднимать на своем примере сотни последователей, ещё никому не известных, но уже идущих по их следам и решающих вопрос выбора своего жизненного пути и предназначения.

Общество нуждается и создает для себя примеры, но только не для таких дел и таких случаев, когда задачи государства имеют столь особую важность, что не подлежат обнародованию и комментированию в течение нескольких столетий. Для таких задач любое раскрытие личности сотрудника спецслужбы и поставленной перед ним цели определяется как утечка информации и провал задания, что вызывает длинную череду негативных последствий для многих вовлеченных в операцию людей и наносит зачастую невосполнимый ущерб интересам страны.

Однако сделать заключение о том, что устойчивая привычка к самодисциплине и самоконтролю превратила Влада в отрешенного от мира сухаря было бы крайним заблуждением. Для того, чтобы быть, но и чувствовать себя своим в чужеродной культурной и языковой среде, уметь находить взаимопонимание одновременно как с патрициями, так и с париями того, другого общества, нужно по меньшей мере развить в себе талант актера с десятком личин, сменяемых по желанию и необходимости.

Справедливости ради надо сказать, что эта многогранность личности постепенно, с годами, наложила свой особый отпечаток на характер Влада, выработав в нем неожиданную склонность к консервативным взглядам, строго выверенным привычкам и суждениям. Осознание постоянной опасности со временем стало обыденным и воспринималось им теперь как необходимое условие его повседневного существования, не волнующее и не вызывающее эмоций, приглушая чувство страха и тревоги.

Закрытый от постороннего взора внутренний мир, он умел сохранять душевное спокойствие даже в те минуты, когда требовалась максимальная концентрация сил и энергии. Это спокойствие порой трансформировалось в ставший для него привычным тяжелый изучающий взгляд светло-карих глаз, что оказывало на его собеседников давящее воздействие.

Влад понимал, что самоуспокоенность – вещь коварная в деятельности профессионального сотрудника спецслужбы и может в любой момент обернуться утратой бдительности и как следствие привести к ошибкам, как в оценке оперативной обстановки, так и принятию скоропалительных и ошибочных решений.

Замечая за собой эту неуместную особенность, Влад в годы активной боевой работы порой испытывал досаду и тогда старался взбодрить себя воспоминаниями о далекой Родине, привычной и любимой им офицерской среде; и его сердце тревожилось всплывавшими перед глазами образами товарищей и щемящими воспоминаниями о безвозвратно ушедшей молодости, когда мир был так ярок и чист и широко открывался перед ним манящей улыбкой белокурой босоногой девушки.

Однако всё проходит и всё меняется. Привычный мир перевернулся и стал другим, оставив за бортом тех, кто до конца был готов бороться за прежние идеалы и под прежними знаменами.

И вот теперь он сидит и ждет рейса во Францию, не до конца понимая, зачем ему это нужно и зачем он вовлек в эту авантюру Виктора, своего старого друга и боевого товарища.

Виктор всегда нравился ему не тем, что они оба прошли одну и ту же оперативную школу и что каждый доказал себе и другим, что имеет право сидеть за столом единомышленников и знать, что ему здесь все рады, а его слово имеет значение и будет услышано. Нет, не только поэтому.

В Викторе его подкупала основательность, надежность и внутренняя сила, которая подсознательно вызывает страх у противника и так привлекает женщин, которые интуитивно чувствуют в таком мужчине защитника и хотели бы иметь его рядом с собой на жизненном пути для оберега дома и детей.

Отличительной чертой спутника Влада была способность настойчиво добиваться цели, даже в тех ситуациях, которые казались на первый взгляд безнадежными. Легкая растерянность, которая порой возникала у него в начале больших дел, весьма быстро исчезала, уступая место непреклонному упорству и хладнокровию. Как все физически сильные люди, а в молодые годы увлечение спортом привело Виктора к присвоению ему звания мастера спорта СССР по вольной борьбе, он был снисходителен к обычным людям, охотно прощая их слабости и недостатки. Чувство здорового авантюризма делало его незаменимым товарищем и напарником в делах с непредсказуемым исходом.

Немногословность и умение слушать собеседника сопрягалось с редким качеством выделять из беседы главное и делать точное заключение о сущности человека на основе всего лишь краткого общения с ним. Выводы Виктора о людях и сопровождающих их событиях были, как правило, корректны и точны, без преувеличений, додумывания и философских излишеств.

Расчерченное резкими линиями мужественное лицо, волевой подбородок, глубоко посаженные темно-серые глаза, привычно внимательно следящие за поведением собеседника, устойчивая, несколько развалистая походка борца, лишь усиливали впечатление о нем как о сильном человеке, крепко стоящем на грешной земле.

В руках оба путника имели с собой лишь небольшие легкие саквояжи, предназначенные для непродолжительной поездки, которые они небрежно разместили на стульях, приставленных к одному из свободных столиков, стоявшему у балконной решетки, нависшей над проходом пешеходной зоны, что позволяло им свысока наблюдать людскую круговерть.

Светловолосая слегка заспанная барменша в аккуратной юбке с кокеткой подала им заказанные бутерброды с колбасой и чай в пакетиках.

Оба сохраняли молчание.

Влад машинально принялся опускать чайный пакетик в чашку с кипятком и делал это до тех пор, пока, наконец, не удовлетворился полученным чайным окрасом. После чего стал медленно накручивать нитку пакетика на ложку, выжимая из него коричневатые остатки танина. Забросив в чашку дольку лимона и кубик сахара, он принялся слегка прихлёбывая, пить чай, одновременно сильно втягивая в себя воздух, стараясь таким приёмом хоть немного охладить горячий напиток.

Виктор долго, с сомнением рассматривал жесткий кусок белого хлеба, на котором нахально разместился оплывший кусок сервелата, с подтянутыми вверх как у буддийской пагоды углами. И в итоге отложил его, справедливо решив, что здоровье важнее, и также приступил к несложной чайной церемонии.

Закончив собственные манипуляции с чайным пакетиком, Виктор перевел взгляд на Владимира и, выждав минуту, негромко спросил:

– Влад, ты мне всё же ещё раз объясни. В чем смысл нашей поездки? Ты знаешь, что я тебе полностью доверяю, но пока что ничего толком так и не понял.

– Виктор, этот вопрос до конца и мне не ясен. Идея возникла спонтанно. Я тебе уже говорил, что недели четыре назад на мой мобильный номер позвонил некто. Мне назначили встречу в гостинице Метрополь, на которую пришел некий Алексей Бойер или вернее Алекс, как он предпочитает себя называть, объявивший, что имеет поручение со мной переговорить по рекомендации влиятельных людей из Франции. Их имена и занимаемые должности он назвать отказался.

Как стало понятно со слов этого парня, его европейские партнеры считают, что я являюсь хорошим специалистом по Латинской Америке, знаю обстановку и национальные традиции, владею не только испанским языком, но также и местными индейскими наречиями такими как кечуа и гуарани. И это действительно так. Непонятно, как они умудрились собрать эту информацию. Саморекламой никто из нас не занимается. Значит, кто-то из нашей среды много болтает. Распустили языки после распада СССР.

Ты знаешь, что я не раз бывал во Франции, да и то больше проездом, хотя и задерживаться приходилось для решения ряда вопросов, а вот в Латинской Америке, где я провел многие годы, мне довелось выполнять задачи иного рода. Вживаться в национальную действительность, обретать идентичность местного гражданина, обзаводиться помощниками и выполнять с их помощью специфические задачи, которые регулярно подбрасывает Центр, словом, сам знаешь. Думаю, интерес тех, кто ждет нас в Париже, как-то связан с Латинской Америкой.

– Ты уверен в этом? – с сомнением полюбопытствовал Виктор.

– Я только предполагаю. По логике из сюжета разговора с Алексом вытекает именно такой вывод, – откликнулся Влад.

– Возможно так, а может быть не так. Ты сам помнишь по прошлым делам – сколько раз с людьми мы, начав разговор издали, подходили к сути вопроса только через недели и месяцы общения. Может быть, кто-то намеревается прощупать тебя совсем по другому поводу, – заметил Виктор с ноткой скептицизма в голосе.

– По-разному бывает. Да и что толковать об этом. Поступим проще. Если что не сладится, максимум что парижские партнеры обретут от нас, так это пару крепких затрецин, как сказал

один забавный персонаж из славного советского мультфильма, – усмехнулся Влад. – Или тебя уже сейчас что-то не устраивает?

– Да, нет, – покачал головой Виктор. В нашем положении быть привередливыми глупо. Считай, все девяностые, после ухода со службы мы с тобой и другими парнями только и делали, что старались выжить в этом перевернутом мире, где правит бал личная выгода и насилие. Не наш это выбор. Его нам умело навязали. Пришлось привыкать и привыкли. А Латинскую Америку я люблю и также знаю её неплохо. Несколько раз доводилось бывать на этом континенте, когда дело касалось подбора и оборудования резервных площадок для морского и воздушного десантирования. Славный уголок мира, в котором люди живут эмоциями и яркими чувствами, а страсти такие же бурные как воды водопада Игуасу. Помнишь эти места?

– Ну, недалеко от этих мест на реке Парана мне и рыбачить доводилось. Даже взял на спиннинг несколько замечательных *tig re del rio*, как местные их называют. Это дорадо. Настоящая рыба боец. Пример для человека как нужно вести себя даже в безвыходных ситуациях. До сих пор тянет в эти края, – живо откликнулся Влад, погружаясь в приятные воспоминания.

– Если речь идет о Латинской, то эта идея мне тоже нравится. А с парнями в Париже мы разберемся. Не впервой. Раз они оплатили нашу поездку, уже неплохо, – подытожил Виктор, прислушиваясь к невнятному женскому голосу информатора, безостановочно объявлявшего посадки и прилеты очередных рейсов. – Похоже, что объявили посадку на наш рейс. Пойдем и мы, пожалуй.

Влад Бекетов и Виктор Азаров, а именно так звали наших друзей, подхватили свои дорожные сумки и направились к воротам номер 18, где служба контроля уже пропускала к посадочному трапу заторопившихся пассажиров.

Глава III

Втянув в себя вереницу пассажиров, самолет захлопнул герметичные двери и неторопливо двинулся по рулевой дорожке, готовясь к четырехчасовому перелету. Получив, наконец, отмашку от Шереметьевского диспетчера, огромный лайнер разбежался, тяжело вспорхнул в хмурое московское небо и как Икар стал продираться к голубым небесам и прекрасному рассветному солнцу.

Подтянутые, с хорошими фигурами стюардессы-француженки с дежурными улыбками на аккуратно сделанных при помощи косметики la Chanel лицах, задрапированные задорными бело-черными полосатыми шарфиками и крупными бантами на белоснежных блузках, наконец, вышли из своих укрытий и приступили к регламентной процедуре встраивания пассажиров в обычный полетный режим.

Взятые в дорогу русские и французские газеты были украшены анонсами последних новостей о событиях в Москве, Париже и во всем мире, а свежий кофе с круасаном и мармеладом бодрил и намекал на скорую встречу с неповторимыми парижскими кафешантами.

Наступило время отдыха, сна или разговоров с соседями, чем собственно и занялись наши путники.

– Ты, знаешь, сколько раз не бывал я в Париже, но так не сумел понять этот город. Не по мне эта галльская мелочность и суетливость, хотя я отдаю должное французской культуре и любви французов к приключениям. Как не странно, не ощущаю я в этом городе чувства свободы и раскрепощения, что должно было бы быть, если уж в нем родились идеалы Великой революции. Прежде всего, разочаровывает узкий мирок самих парижан. Всё у них пронизано расчетом и каким-то экономизмом. Даже столики в кафе узкие и неудобные. – Разоткровенничался Влад, настраиваясь на диалог.

– Пожалуй, ты слишком строг по отношению к Франции. Может, она тебя чем-то обидела? Народ как народ. Живет своей непростой будничной жизнью, как и везде, – возразил Виктор. – Те же житейские заботы, что и у нас. Колорит Парижа заключается в неспешных беседах в кафе и ресторанах, в театральных подмостках и на подиумах домов мод. В особом изяществе французских женщин, наконец.

– Вижу, не зря провел ты столько лет во Франции, – иронически усмехнулся Влад.

– Справедливости ради, в Канаде больше, но и во Франции не мало, – уже с некоторым удивлением, поглядывая на своего товарища, произнес Виктор. – Ты зря ухмыляешься. Ни одна женщина на земле не может так заявить о непреодолимой силе женского естества как француженка.

– И что же это за сила? – скептически поинтересовался Влад.

– Ничего сложного – она называется французский шарм.

– Ладно, – примиряющее сказал Влад. – Возможно, мне необходимо лучше понять Францию, да и поближе познакомиться с француженками. Правда мне мешает недостаточное знание французского языка. Он у меня по значению третий, так сказать резервный, хотя аргю я понимаю весьма сносно. Эта страна всегда была для меня транзитной для решения отдельных и по сути второстепенных задач.

– Достаточно о французских женщинах, – вернул разговор в деловое русло Виктор. – Вернемся к главному. Всё же, как ты понял этого Алекса? При отсутствии достаточной информации давай оценим хотя бы детали твоего разговора и психологический тип этого парня.

– Ещё раз повторяю. Он только посредник, – терпеливо в который раз принялся пояснять Влад, прощая другу его настойчивость. – Информационного задела у него мало. Не договаривает или многого не знает. Себя позиционирует как финансовый и инвестиционный кон-

сультант. В России обслуживает интересы ряда европейских компаний. Ещё что-то невнятно говорил о себе, но этого я не запомнил. Словом, ничего существенного.

– Ну а как он выглядит, хотя бы?

– Обычный человек. Лицо овальное, нос прямой, голова с залысинами, волосы темно-каштановые, около сороки. Рост под метр девяносто. Был одет в темно-серый костюм, без галстука. По-русски говорит с еле заметным акцентом. Имеется физическая особенность: разговаривая, разворачивается правым ухом к собеседнику. Очевидно, сказывается дефект слуха.

– Похоже, я также где-то видел этого парня. И если память мне не изменяет, в тот день, когда я был в банке "Империял". Примерно год назад. Он заходил в кабинет к вице-президенту банка, с которым я беседовал. Видно в Москве он крутится постоянно.

– Вероятно, этот парень действительно свой в финансовой среде. Какая-никакая, но это рекомендация.

– Непонятно, какого качества эта рекомендация, но хотя бы хорошо то, что это не мошенник с улицы.

– Ты хочешь сказать, что если мошенник, то рангом повыше.

– А кто сейчас не мошенник из тех, кого мы называем партнерами или "подопечными"?

– Что верно, то верно. Когда я пришел на встречу в "Метрополь", он уже был там и тусовался в какой-то компании. Среди присутствующих я узнал Андрея К., сейчас он возглавляет один из самых значимых банков в стране с преимущественным государственным участием.

– Пусть так, характеризующих сведений у нас совсем немного. Больше мы ничего не выжмем из этого анализа. Надеюсь, позже станет яснее. Уже неплохо то, что в Париж мы летим на чужие деньги. Лучше ты мне скажи, а что мы будем делать с очередной просьбой нашего подопечного Авдеич.

– А что у него? Опять неладно? – спросил Влад

– Ну как же. Он успокоиться не может. Всё надеется, что из мужика, которому он дал деньги, приличные деньги, надо сказать, удастся выцедить долг.

– Мы же разобрались с этим вопросом. Этот мужик деньги профукал. Узбеки его успешно кинули, деньги взяли, а хлопок не поставили. Хорошо, что, жив ещё остался.

– Это так, но Авдеич мечется. Этот долг ему спать не дает. Денежек-то ему жалко, очень жалко.

– А не надо быть таким неумным. Ведь Авдеич сам купился на посулы этого мужика, обещавшего через месяц вернуть долг со 100 % наваром.

А сейчас мужичок полностью прогорел: у него нет ни квартиры, ни дачи с машиной, даже жена ушла от него. Так что в уплату долга взять нечего.

– Согласен. Утомил что-то Авдеич. Ведь эти потерянные деньги для него далеко не последние. Он сам повелся. Да и мужик искренне надеялся, что с узбеками можно кашу сварить. Обернулось все по-другому. Подобные случаи сейчас происходят сплошь да рядом. Цивилизованно извлекать капиталистическую прибыль у нас ещё не научились. Да и сам Авдеич, со своими корешками умеет только примитивно выгребать деньги из строительных подрядов.

– Так что же сказать ему? Он все надеется, что мы в очередной раз что-то придумаем и выручим его.

– Ах вот как; жадный хорек требует крови, на физику намекает. Что ему легче будет, если "спецы" снимут с бедолаги кожу вымоченными в бетонном растворе нагайками, или он попадет на "отработки" к другим отморозкам? Нет, нам это не нужно. К сожалению, немало коллег из соседних контор после увольнения разошлись по разным группировкам и занялись, черт знает, чем. Но это вопрос уже к их совести. Мы живодерами никогда не будем.

– Ну, а Авдеич?

– Когда вернемся, мы его успокоим. В конце концов, никто его за язык не тянул, он сам принял решение о ссуде. Впредь умнее будет.

Глава IV

За разговором время пролетело незаметно. Уже давно зажглось табло с предупреждающей надписью: "Пристегните ремни" и стремительные стюардессы по второму разу обошли салон, уговаривая нерадивых или нерасторопных пассажиров выполнить ненавязчивую просьбу экипажа.

Поигрывая элеронами, самолет полукренами стал перебираться с одного эшелона высоты на другой пока не вышел на глиссаду и вскоре застелился над бетонной взлетно-посадочной полосой аэропорта имени великого француза. Мягко коснулся её просторной спины своими резиновыми башмаками шасси и покатился вперед, ошестившись поднятыми спойлерами. В салон ворвались звуки реверса авиадвигателей и скрип придавленных гидравликой колес, окончательно примиравших стальную птицу с бетонным полем аэродрома.

Воздушный лайнер вскоре закончил свою пробежку и с удовольствием приткнулся к гармошке рукава для высадки пассажиров.

Пройдя через хитросплетения эскалаторов и коридоров аэропорта, оба московских гостя, наконец, оказались на вокзальном перроне, где уже отстаивался в нетерпеливом ожидании поезд пригородного сообщения RER с двухэтажными вагонами.

Виктор нажал на боковую кнопку и створки двери услужливо разбежались в сторону, открыв ненасытный зев вагона, в котором один за другим пропадали вместе со своей поклажей утренние визитеры французской столицы.

Поднявшись на второй этаж вагона, друзья выбрали кресла напротив друг друга и скинули свои сумки на соседние сиденья, обеспечили себе относительное уединение. Весьма скоро вагон заполнился шумными пассажирами, переполненными впечатлениями и переживаниями от недавнего перелёта. Люди принялись суетливо размещать и переставлять с места на место причудливые и разноформатные саквояжи, сумки и чемоданы, устраивая их на багажных полках, незанятых сиденьях, между кресел и даже в проходе.

Напротив, в соседнем ряду, произвольно раскидав вокруг себя всяческие сумки и пластиковые пакеты, разместились женщина лет сорока, выглядевшая и одетая весьма примечательно. Темные волосы дамы были стянуты в строгий вдовий пучок, заколотый полукруглым роговым гребнем. Маленькие невыразительные глазки надежно прятались от любопытствующих взглядов за темными продолговатыми стеклами очков в пластмассовой оправе.

В одежде женщины просматривалось полное отсутствие вкуса и возможно даже нарочитое пренебрежение к своей внешности, что, по всей видимости, должно было лишний раз подчеркнуть оригинальность и независимость незнакомки. Общую картину безликости дополняли синие осенние рейтузы, натянутые на худые ноги с острыми коленками и заправленные в стоптанные замшевые ботинки. Довершала безрадостную картину розовая стеганая курточка, из-под которой на четверть вылезала коричневая кофта из полистирола.

Лицо пассажирки, уже тронутое первыми морщинами – грустными вестниками недалекой старости, также не отличалось особой привлекательностью. Оно скорее могло поведать о многих печалях старой девы, окончательно смирившейся со своей незавидной участью. Спутником у странной дамы был маленький пекинес неопределенного бурового цвета. Бойкий пес быстро продрался через частокол людских ног и дорожных сумок и, в конце концов, отвоевал себе место на сиденье рядом с вагонным окном.

В общем невзрачном облике дамы особо неприятное впечатление оставлял плохо очерченный рот с вялыми губами и неровная линия желтоватых зубов. Видно представление о спасительной для многих женщин косметике давно растворилось для неё в безвозвратно ушедшей молодости и отсутствии мужского интереса.

Словно сообразив, что зашедших пассажиров уже достаточно, поезд нехотя оторвался от перрона и, набирая скорость, помчался вперед, рассекая плотный утренний туман, который рваными хлопьями то прилипал к оконным стеклам, то вновь исчезал, уносимый вихревыми воздушными потоками.

Запоздалый и по-декабрьски уныло-серый рассвет однотонной безрадостной краской закрашивал пронесившиеся мимо поля и деревья, ещё недавно рядившиеся в веселые зелено-красно-желтые наряды осени.

За окном замелькали однотипные придорожные постройки, опорные матчи линий высокого напряжения и прочие безликие объекты, составляющие малопривлекательный индустриальный пейзаж.

Странная соседка напротив принялась последовательно просматривать свои многочисленные пакеты, то и дело, заговаривая со своим пекинесом, который с философским видом спокойно сидел на своем сиденье и только иногда вытягивал к окну свою длиннющую голову, стремясь разглядеть пронесящиеся мимо виды.

Наконец оригинальная дама, по-видимому, утомившись от своего бесполезного занятия, решила сменить сферу деятельности и несколько раз взглянула в сторону Влада, очевидно намереваясь завязать с ним какой-то разговор, к которому он совершенно не был расположен.

И действительно, дернув пару раз головой и улыбнувшись, незнакомка, представившись Жанной, спросила Влада по-французски:

– Месье, как быстро мы доедем до центра Парижа?

– Ну вот, видишь, у тебя и собеседник появился, – первым откликнулся Виктор. – Вы тут побеседуйте, а я пройду по вагонам.

Затем он решительно встал и направился к лестнице, ведущей на первый этаж вагона, и немного задержавшись на спуске, повернул голову и с усмешкой посмотрел на Влада.

– Так вы из России? – оживилась беспокойная соседка, переходя на бойкую московскую скороговорку и выстраивая монолог, из которого Влад узнал, что её пекинеса зовут Снупи, а она музейный работник из Москвы, в которой всё так грязно и холодно, и где по улицам расхаживают грубые неприветливые люди. Восторженная часть её рассказа была, конечно, посвящена замечательному городу Парижу и восхитительной Франции, в которой есть всё: и культура, и история, и благополучные отзывчивые люди, некоторые из которых являются даже её близкими друзьями, и всем этим она очевидно очень гордилась.

Стараясь не перебивать свою собеседницу, Влад рассеяно слушал её, и лишь изредка из вежливости поддакивал и поддерживал её панегирические сентенции кивком головы.

– Отчего так? – невеселые мысли стали заполнять голову Влада. – Отчего так происходит, что многие из нас, оказавшись за границей, с какой-то рьяной готовностью принимают ругать свою страну и выставить её в карикатурном виде? И даже эта, по виду скромная и незатейливая женщина явно не из среды скороспелых российских нуворишей, и та не находит себе лучшего применения чем как с ходу, с первым встречным, начать так безапелляционно с какой-то непонятной радостью взапуски критиковать только что оставленные родные края.

Конечно, нелегко любить свою родину. Вот она здесь и сейчас, и выглядит как не прибранная с утра женщина. И на её морщинистое от тягот и забот лицо смотреть непросто, и дорогими духами она не пахнет. Но эта женщина – твоя мать. И как же просто охаивать её. Особенно издалека, не утруждаясь мыслью, что всё, что ты есть с твоими знаниями и талантами, всё, что составляет твое естество, дала тебе она, эта усталая женщина с натруженными руками, твоя родина, твоя мать. Легко и безопасно куражиться над ней, ведь она мать, она ведь никогда на тебя не обидится и не пожалуется. Она всё стерпит.

Ещё раз, улыбнувшись говорливой соседке, Влад отвернулся, давая понять, что разговор закончен, и он очень благодарен за услышанное, и перевел взгляд за окно, где все быстрее как в волшебном фонаре братьев Люмьер. Набегали друг на друга каменные постройки, заборы и

железнодорожные сооружения, укрытые тугой пеленой начавшегося мелкого дождя, который у нас принято называть моросью.

Как вагоны перебегают через стрелки на новые магистральные пути, так и мысли Влада сменили направление и стали переливаться в русло утомительных политико-социальных обобщений.

Прижавшись виском к холодному стеклу, Влад задумался о только что оставленной России.

События прошедшего десятилетия всё ещё саднили кровавой раной, пересыпанной солью безответных вопросов. Как же это так случилось, что стальное несокрушимое тело трехсот миллионного народа было вспорото ржавым тесаком лживых и циничных обещаний, породивших эфемерные надежды.

Кто же это был тот мудрый и расчетливый, что год за годом расковывал непробиваемую броню великой исторической страны, защищенной непобедимой армией, грохочущим поясом сталелитейных и машиностроительных гигантов, и патриотизмом народа?

Как случилось, что самое образованное в мире население и его передовая наука, уже приступившая к реализации задачи человеческого присутствия на Марсе, так и не смогли разглядеть существа сладкоречивой тлетворности различных "доброжелателей" и доброхотов?

Какая сила парализовала волю двадцатимиллионной политической организации страны, в заслугу которой хотя бы можно было бы поставить освобождение половины населения Земли от удушающей коросты колониального угнетения?

Неужели конструкция социалистического научного мировоззрения, складывавшаяся лучшими умами Европы последние пятьсот лет, была обречена рухнуть под напором индекса наполняемости продуктовой корзины?

Как оказалось, что тысячелетняя культура многонационального народа столь остро нуждалась в потребительском максимализме, сексе и сквернословии?

Или всё дело в нашем вековом долготерпении, вращенном на льду Чудского озера и в зимних окопах Москвы и Сталинграда? В нашей готовности разворачивать новые чужеродные лаковые обертки, скрывающие старые и уже отвергнутые историей социальные и экономические рецепты? А может все объясняется всего лишь обыденной и выработанной за тысячелетие привычкой доверяться любому царю-батюшке, который понятно, лучше всех нас обо всем подумает, обнадешит и успокоит?

Либо всех околдовала разудалая пляска под мелодию "Прощание славянки" пьяного балагура, в самозабвении расплескавшего драгоценные капли национальной гордости и величия духа великого народа и поставившего его в нищенские ряды уличных торговцев на стылых улицах темных городов?

А может и спрашивать никого ни о чем не надо, коль скоро история народов любой национальности и государственной принадлежности и так густо измазана грязью и кровью? И стоит ли отдирать корку с незаживающих ран векового позора и мерзости, столь густо испятнавших заскорузлое тело современной, так называемой, цивилизации?

Те же французы. Чем не достойный пример личной свободы и привольной раскрепощенности? За ними великий лозунг "Свобода, равенство и братство" и Великая французская революция, чей красный фригийский колпак стал символом для идеалистов многих стран, возжелавших сорвать короны и голубые ленты со своих сюзеренов.

Но как совместить идеи экзистенциалистов, неповторимые творения импрессионистов и очаровательный французский шансон с гильотиной?

С этим символом социальной защиты и справедливости французской революции, которую вытащили на площадь под одобрителный гул толпы для свершения акта публичного возмездия не так уж и давно, в 1939 году? Или то, что полное избирательное право изящные француженки, наконец-то, получили в конце второй мировой войны.

В то время, как ещё голодная после первой мировой и гражданской войн, оборванная Россия незамедлительно дала право голоса своим женщинам и удовлетворила самых взыскательных и нетерпеливых суфражисток, отменив институт официального брака.

Разве лица современных французов, давно живущих в условиях личной свободы и выбора, отражают свет довольства своей системой? Что-то не похоже.

Та же суетливость и ежедневные пробежки из дома на работу, что и у нас. Предельный экономизм и страх не потерять работу, критика всего и вся от правительства до качества мелкого ремонта, произведенного коммунальным водопроводчиком, братом – близнецом нашего самodelкина.

Зато, конечно, есть для французов священный час икс, время полуденного сбора, когда заполняются бесчисленные бистро и кафе, гроздьями рассыпавшиеся по парижским улицам, место не только для еды и житейских пересудов, но и для оценок действий местных и муниципальных органов власти.

И всё же свободный галльский дух требует выхода и ищет возможность для спора, скандала и создания новых проблем.

И не стоит удивляться, что типичный парижский заправщик где-нибудь на окраинной бензоколонке сидит и с пролетарским упорством ждет своего часа, когда, наконец, он сможет сказать заезжему из Германии бошу, что у него сейчас обеденный перерыв и тому придется подождать. А, как известно, без бензина даже вызывающе хваленый мерседес из Германии не более чем застывшая конструкция из сварного железа.

И все же ради объективности надо сказать что, Франция – это по-своему удивительная страна, приведшая за руку современную Европу к истокам гуманизма.

Бесспорно, хороши согретые солнцем неповторимые холмистые долины Шампани и Прованса, где вызревает всемирно признанная виноградная лоза сорта Божеле и не только.

Замечательно, что каждый желающий может раз в год увидеть, как кинематографические дивы путаются в длинных вечерних платьях, а их набрильянтиненные сопровождающие в черных фраках и белых манишках из Голливуда, в лучах софитов и вспышек фотокамер вычурно вышагивают по красной дорожке Каннского кинофестиваля.

Кто не знает выдающихся европейских выразителей, сочинителей и зачинателей таких как Вольтер, Рабле, Дюма, Эдгар Дега, Эдит Пиаф и Коко Шанель.

И конечно, гражданский Кодекс Наполеона, впервые выстроивший юридические каноны сочетания личных прав и свобод человека с императивами частной собственности и имущественных отношений.

И всё это Франция.

Примерно так и не без основания выстраивается самоуважение и чувство собственного превосходства среднестатистического француза.

Однако насколько свободен, этот самый прогрессивный европеец, погруженный в мир бесконечных бытовых забот, измотанный хитроумной системой налогообложения и неуверенностью в завтрашнем дне?

Ну, а Париж всегда остается Парижем. Всё также хороши каштаны на Елисейских полях, восхитительны и неповторимы музеи Лувра, де Орсэ, Пикассо и Дома Инвалидов – вместилище взлета человеческого духа, чертоги, где царствует Клио со своими сестрами. Булонский лес, место обитания вавилонских дев, так же как и в 19 веке гостеприимно принимает в свои зеленые объятия толпы разноплеменных туристов и неунывающих парижан.

Хотя и Париж, если по правде, уже не тот. Прибавилось пьяных и туберкулезных клошаров. Бессмысленные граффити всё настойчивее злыми линиями безобразят стены и фасады парижских исторических зданий. К повседневной озабоченности парижан добавилась арабская нахрапистость и изобретательное цыганское вымогательство.

Калейдоскоп несвязных мыслей, доводов и контрдоводов крутился в голове Влада, не давая ответы ни на мучительные вопросы, не принося успокоения растревоженному уму.

Вернулся Виктор. Сколько времени прошло непонятно, но соседка через проход, уразумев, наконец, что беседа с Владом не заладилась, уже давно успокоилась и вернулась к привычному для неё состоянию одиночества, увлекшись разговором со своим забавным пекинцем, который по привычке выказывал хозяйке все признаки внимания.

Виктор занял свое место, развернул купленную у проводников газету "Le Figaro", взглянул на Влада и еле заметно отрицательно покачал головой, что означало – ничего подозрительного во время прогулки по поезду он не заметил, признаков наличия наружного наблюдения не выявил.

В вагоне по-прежнему царила обычная для поездов ближнего радиуса следования обстановка ожидания прибытия. Люди читали газеты, о чем-то беседовали, дремали и вполголоса разговаривали по мобильным телефонам. Типичная картина начала рядового рабочего дня большого города, начавшего постепенно насыщаться через свои бесчисленные транспортные артерии жизненными силами, которые давали все эти люди, стремившиеся к нему со всех направлений, из ближних и дальних пригородов Большого Парижа.

Поезд стал постепенно замедлять ход, всё плотнее прижимаясь лакированным металлическим боком к перрону очередного пригородного вокзала. И вот уже проплыла табличка с названием станции Le Courneuve.

– Ну, что ж нам этот городок подойдет, – произнес Влад с оптимизмом. Мужчины встали, забрали свои дорожные сумки, попрощались с Жанной, её пекинцем и не спеша спустились по лестнице к выходу, где уже собралась небольшая нетерпеливая группка пассажиров.

Поезд остановился и все вышли на перрон.

– Почему здесь? – взглянул Виктор на Влада.

– Ничем не хуже другого. Подходящее местечко: близко от Парижа, много разного транспорта гостиниц хватает, а главное, этот выбор произвольный, заранее никому не объявленный, что также неплохо.

* * *

Глава V

Друзья вышли в город и неспешной походкой, о чем-то переговариваясь, пошли по улице со скромным названием le Pasteur.

Это был всё ещё ранний час утра рабочего дня, но небольшой городок давно не спал. Распахивались входные двери домов, из которых как из пчелиных сот возникали их жители, которые тут же устремлялись к остановкам общественного транспорта или торопливо садились в свои аккуратные миниатюрные автомобильчики, которые с шумом срывались с мест ночной парковки и устремлялись в сторону столичного мегаполиса подобно тому как металлические частицы не могут сопротивляться притяжению неотвратимой силы большого магнита. Маленькие кафе и бары один за другим гостеприимно поднимали оконные жалюзи, а их владельцы деловито приступали к традиционной утренней процедуре подметания и облагораживания прилегающей к их фасадам территории.

Городок был небогатым и не грешил особыми архитектурными изысками. Фасады большинства домов были однотипны, ровно настолько насколько может быть предельно рациональна мысль создателя так называемых типовых проектов социального жилья.

Возникшее по ходу движения наших путников трехэтажное здание, как бы явившееся из последней четверти девятнадцатого столетия, выделялось на фоне общего незатейливого городского ландшафта. Прежде всего, своими большими каминными трубами на крыше, невыразительными настенными пилонами и большой голубой неоновой вывеской " Hotel Le Pasteure".

– Похоже, это то, что нам надо, – решили приятели и зашли в холл отеля, встретившего их приятным полумраком, создаваемым приспущенными шторами и неярким светом лампы на стойке гостиничного консьержа, который сразу заметил ранних посетителей и тут же обратился к ним с услужливым вопросом:

– Господа, чем я могу быть вам полезен?

– Нам нужны два одноместных номера на одном этаже и желательно рядом, – ответил Виктор. Мы остановимся у вас на сутки двое.

– Вам повезло, я могу предложить то, что нужно. Сейчас не сезон и вы можете выбрать любой номер. Обычно мы предпочитаем заранее резервировать места для наших гостей. Прошу заполнить карточки постояльцев и оставить денежный залог или предоставить кредитку, как пожелаете. Если позволите, прошу передать мне также ваши паспорта для снятия копий.

– Мы готовы оплатить вам за два дня вперед полностью наличными.

– Ну что, ж хорошо. Я понимаю, что у вас чисто деловой визит.

– На этот раз да, хотя Париж в любом случае заслуживает большего.

– Вы русские, – удивился консьерж, взглянув на паспорта, – а я вначале подумал, что вы из Канады, точнее из Квебека. Вы там, наверное, долго жили?

– Я бы не сказал, – коротко ответил Виктор, стараясь унять не в меру любопытного консьержа. – Мне ближе Европа. Скажите, какие у нас номера комнат?

Немного смутившись, консьерж, понимая, что был не тактичен выложил на стойку два ключа с пластиковыми бирками номеров 31 и 32, вернул паспорта и пожелал гостям приятного пребывания во Франции.

Маленький узкий лифт, сразу ставший ещё меньше от крепких спортивных тел новых постояльцев, поскрипывая, неторопливо доставил их на третий этаж.

– Встретимся через час внизу в лобби, – предложил Влад. После этого оба одновременно зашли в свои номера, плотно прикрыв за собой двери.

Бросив дорожный кожаный саквояж на двухместную кровать, покрытую бежевым покрывалом со сложным растительным орнаментом, и включив лампу на прикроватной тумбочке, Влад тяжело опустился в кресло. Несколько минут прошло в размышлениях о превратностях судьбы, приведшей его в очередной раз в город Париж, так и не ставший ему близким и понятным за все прошедшие годы.

Осмотрев ничем не привлекательную обстановку третьесортного гостиничного номера, Влад встал и подошел к единственному в комнате окну, из которого открылся самый непривлекательный вид, который можно было представить в тесноте неуклюжих городских построек.

Коричневая заросшая местами моховой зеленью кровля соседнего здания из старой затертой черепицы, разбитая временем и природными стихиями, располагалась столь близко, что казалось, цепляется своим карнизом за стену гостиницы. Многочисленные каминные трубы, покрытые грязно-серой осыпавшейся штукатуркой, дополняли убогость пейзажа.

Разочарованно поморщившись, Влад резким движением задернул тяжелую пыльную портьеру окна, снял наручные часы и аккуратно положил их на маленький туалетный столик с замызганным зеркалом. Не торопясь скинул с себя дорожную одежду, и развесил её на вешалках в невысоком шифоньере с изгрызенными по краям дверцами в привычной для него четкой последовательности: джинсы, рубашка, свитер, куртка.

Последним бережно через голову протянул старинный серебряный крест на массивной и также серебряной цепочке из плотно стянутых звеньев, местами потемневших от соприкосновения с живой плотью.

Влад прошел в душевую комнату и, отрегулировав температуру воды и силу потока, подставил голову под пенящиеся струи, с наслаждением ощущая, как живительная влага разбежалась по всему атлетическому телу, возвращая бодрость и уверенность в начатом деле.

Простояв в душе, ещё минут десять, Влад завернул краны и вытерся белым ворсистым полотенцем. Затем он обернулся им вокруг пояса и, подсушив волосы феном, вернулся в спальню.

Раскрыв дорожный кожаный саквояж, достал свежее нижнее белье, клетчатую рубашку и сиреневый пуловер с треугольным вырезом. Переодевшись, взял с туалетного столика темный флакон мужских духов "Sauvage Extreme" и, нажав несколько раз на кнопку дозатора, погрузился в облачко дорогого французского парфюма.

Бесцельно покружив по комнате, Влад вновь подошел к окну, раздвинул портьеру и, взяв со стола прихваченную из самолета газету "Le Figaro", решил спускаться вниз и уже там дожидаться Виктора.

В фойе всё также царил полумрак; гостиничный консьерж о чем-то оживленно разговаривал с привлекательной черноволосой девушкой в блестящем розовом плаще, сопровождая свою речь активными взмахами руки столь энергично, что возникло опасение, что он сейчас расколется, как топором свою деревянную стойку.

Посчитав, что обстановка в вестибюле мало чем отличается от гостиничного номера и также скучна, Влад вышел на улицу и увидел Виктора, который не спеша прогуливался по тротуару, докуривая толстую коричневую сигару.

– Ты знаешь, мне не нравятся подобные отели, – приветствовал его Виктор. – Такое впечатление, что он целиком собран из множества мышеловок: всё скрипит, стучит, шуршит ну и так далее.

– Тем лучше, нам помпезность явно не к чему, – откликнулся Влад. – Давай пройдемся и выпьем кофе в каком-нибудь баре. Надо ещё кое-что обсудить. Сугубо по делу. Ты понимаешь, что в Париже мы только на сутки, так что времени на частности, тем более женщин у нас не будет.

– Что так грустно? Неужто вечером не позволим себе бутылку-другую хорошего "Бужеле" и убедительное блюдо замечательных бретонских устриц?

– Вечером, несомненно. По праву. Тем более, что нам придется подвести итоги дня.

Искать долго не пришлось. На ближайшем перекрестке обнаружилось небольшое кафе, предлагавшее, судя по обилию рекламных постеров, весьма широкий ассортимент местных блюд: от дешевых сэндвичей и пиццы до стандартных морских деликатесов.

Внутри, заведение представляло собой чрезвычайно скученное пространство, в котором в беспорядке теснились узкие столики и такие же неудобные стулья с высокими выгнутыми спинками.

Единственное украшение интерьера располагалось на стене без окон и представляло собой весьма причудливое панно из умело составленных половинок раковин морских устриц и мидий.

– Ну что ж подойдет, – произнес Виктор, оглядывая незатейливое помещение. – Думаю, чашечку эспрессо с горячим молоком и круассаном нам здесь подадут.

Вышедшая из-за барной стойки белокурая с короткой прической миловидная официантка, одетая в белую блузку с венгерскими рукавами и черную юбку, прикрытую аккуратным красным передником, быстро приняла заказ. Совсем скоро мужчины погрузились в сосредоточенное размешивание сахара в кофейных чашечках.

– Ты заметил, как она тебе призывно улыбнулась, – Влад стал подзадоривать своего друга. – Похоже, теперь тебе без хороших чаевых не обойтись.

– Какие чаевые с чашки кофе? Да и стар я для неё.

– О, не скажи. Француженки знают толк в мужчинах. Тебе ли этого не знать после стольких лет пребывания в Канаде и здешних краях. Мне кажется, что кленовый лист отпечатался на твоём лице.

– С кленовым листом понятно, однако лучше перейдем к вопросу сегодняшней встречи. Повторю ещё раз мои самые предварительные выводы. Прежде всего, мы не знаем, кто, как и почему вышел на нас; мы также не знаем темы предстоящего разговора с представителем заказчика; располагаем только общим намеком на Латинскую Америку, как место приложения интересов компании заказчика. Из отрывочных деталей понятно, что компания заказчика занимается крупным бизнесом. Присутствие спецслужб пока что не определяется. И, наконец, впервые в нашей деятельности мы находимся в ситуации, когда все козыри у противоположной стороны.

– Всё верно, – согласился Влад, – и поэтому мы с тобой здесь с тем, чтобы во всем разобраться. Встреча согласована на 14.00 в кафе "Omnibus" на площади Пигаль. Район ты знаешь, равно как и порядок действий, который мы обговорили в Москве.

– Повторюсь. – Влад почти навалился грудью на край столика, сократив расстояние до Виктора. – Постарайся прибыть на эту площадь заранее и осмотреться. Подбери одно из примыкающих или противоположных бистро, или баров как точку контрнаблюдения. Главное убедиться в наличии или отсутствии профессионального наружного наблюдения. Вопрос о спецслужбах не снимается. Если наблюдение присутствует, выдай мне на мобильный двойной звонок. Телефон у меня будет включен только на щекотун, то есть на вибратор по-современному. И сразу уходи в город. Встретимся вечером в отеле.

Но если обстановка спокойная, дожись, когда я с заказчиками выйду из кафе. Если сумеешь, попробуй сделать групповой снимок, проследи, куда они потом направятся, запомни номер и марку нужного автомобиля, а еще лучше – сфотографируй его. В Москве проанализируем и проверим все моменты, которые удастся собрать в Париже.

Во время монотонного монолога Влада Виктор молча сидел, откинувшись на спинку стула; его взгляд нехотя блуждал по скромной обстановке помещения кафе, лишь изредка задерживаясь на собеседнике.

Недопитый кофе с молоком медленно остывал в чашках.

– С этим всё понятно. А теперь, пожалуй, нам пора идти. Время торопит.

– С этими словами Виктор первым встал из-за стола, достал из куртки кожаный бумажник и вынул из него две банкноты по двадцать франков с аверсом Клода Дебюсси, подсунул их под кофейное блюдо и взмахом руки привлек внимание приятной во всех отношениях хозяйки кафе, улыбнулся и движением головы показал на оставленный на столе расчет. Попрощавшись с обходительной француженкой, мужчины вышли на улицу, где их ждал все тот же пасмурный день, рассыпавший по Парижу и его окрестностям мелкий нудный дождь. Друзья плотней застегнули куртки, и ускорили шаг в направлении остановки общественного транспорта. Постояв немного под небольшим навесом, мужчины дождались рейсовых автобусов и, пожав друг другу руки, разъехались каждый по своему проверочному маршруту.

* * *

Глава VI

Площадь Пигаль, любимое место коротких радостей солдат Первой мировой, встретила Влада своей особой неповторимостью. Впрочем, в Париже неповторимы все улицы, площади и населяющие их памятники, а также знаменитые клошары.

Это место могло считаться вполне уютным и даже романтическим районом, если бы площадь и прилегающие к ней улочки не служили в темное время суток совсем другим целям. Под сенью деревьев выстроились в ряд многочисленные рестораны, кафешантаны, бистро и бары, возникшие здесь для того, чтобы утолить естественную человеческую потребность к чревоугодию, а вот городской туалет на бульваре Клиши, предназначенный для ещё одной общественной потребности. И, наконец, если заглянуть за угол и пройти на выбор по одной из нескольких выбегающих на площадь улиц, скажем бульвару Клиши или проспекту Фрошо, то легко можно обнаружить манящие заведения с милым общим названием *brothels*, предназначенные для воплощения самых воспалённых сексуальных фантазий и усад. Вряд ли незаурядный скульптор и архитектор Жан Баптист Пигаль оказался бы рад такой сомнительной популярности площади его имени.

Зайдя в условленное для встречи ещё в Москве кафе с незатейливым названием "Omnibus», Влад был приятно удивлен звучащей из динамиков исторической песней "Place Pigalle", в исполнении проникновенного Мориса Шевалье. Оглянувшись, он прошел вглубь помещения и произвольно занял столик так, чтобы контролировать вход в кафе, которое по случаю обеденного часа было заполнено уже больше чем наполовину.

Появление гарсона совпало с приходом двух мужчин, одним из которых был уже знакомый ему по Москве Алекс. Парадоксальным образом оба были одеты в одинаковые короткие расстёгнутые плащи, из которых проглядывали строгие деловые костюмы.

Обменявшись приветствиями и выбрав из меню самые несложные блюда типа устриц, хорошо прожаренного мяса и бутылки красного вина, все трое без предисловия приступили к обсуждению вопросов, составлявших существо общей заинтересованности.

Незнакомец, сопровождавший Алекса, представился как Конан Ленард, директором независимого бизнес-бюро "International strategic investments", обслуживающего интересы крупных корпоративных клиентов. Это был мужчина около пятидесяти, спокойный, неторопливый в движениях, свои мысли он излагал также, не торопясь, взвешивая и оценивая каждое сказанное слово. Влад сразу подметил ряд поведенческих особенностей, которые делали нового знакомого привлекательным в общении и заставляли думать, что с этим человеком стоит обсуждать серьезные вопросы. Словом, Владу он показался приятным собеседником.

В изложении Ленарда смысл поступившего от одних из его клиентов предложения сводился к проведению специальной операции на территории Республики Маку, государства в Южной Америке, территориально расположенного между Французской Гвианой и Бразилией. Другими словами, это было предложение о принудительной смене правящего в этой стране политического режима.

Совершив краткий экскурс в историю вопроса, Ленард особо отметил, что действующий президент Республики Маку, Люк Комо пару лет назад совершил в стране военный переворот, сверг предыдущего президента – Атуаэя Бангу и установил личную диктатуру.

– Надо сказать, – продолжил свой рассказ Ленард, – этот Комо – довольно кровожадная бестия. Умудрился устроить террор в отношении оппозиционной партии – Объединение в поддержку республики, которая перешла практически на нелегальное положение. Половина предыдущего парламента или физически уничтожена, или сидит по тюрьмам. В стране существует только одна беспрекословная пропрезидентская партия – Прогрессивное христианское движение.

– Это понятно. Случай заурядный. Подобными событиями пестрит политическая жизнь в странах третьего мира. – Наконец, взял слово Влад. – Скажите, почему такая далекая от Европы страна как Республика Маку привлекла ваше внимание господин Ленард?

– О, здесь никакой тайны нет. Всё дело в том, что в Европе находится свергнутый президент этой страны – господин Бангу, который кочует по всем столицам от Лондона до Лиссабона, пытаясь заручиться политической и финансовой поддержкой для восстановления конституционного порядка в своей стране. Справедливости надо сказать, что режим узурпатора Комо не признан большинством членов ООН и половиной стран Организации американских государств. Однако Комо довольно спокойно чувствует себя на своем посту, так как сумел организовать собственную службу безопасности, подобную пресловутым тонтон-макутам, существовавшим в Гаити при диктаторе папе Доке. Сотрудники его службы безопасности называют себя – калинагос, по имени беспощадных воинов караибов, практиковавших каннибализм и поедание печени сраженного врага.

Современные калинагос также отличаются кровавой свирепостью, подвергая противников Комо, да и любых несогласных, пыткам и жестоким способам умерщвления: ломая кости заключенным, поджаривая их на железных решетках или бросая в клетку с заранее разъяренными ядовитыми змеями.

Словом, Комо должен быть свергнут, а Бангу восстановлен в должности. К этому взывает чувство справедливости и гуманности у каждого цивилизованного человека.

– Это понятно. Не понятно только, причем здесь я. Я не революционер и не авантюрист, – возразил Влад. – Если это всё, то вы зря пригласили меня в Париж.

– Прошу дослушать меня, – месье Бекетов. Я в курсе, что вы, как и ваши друзья обладаете уникальными профессиональными качествами, которые могут быть полезны для этого случая. Поэтому я предлагаю вам контракт, условия которого я могу разъяснить только в том случае, если пойму, что вы готовы взяться за это дело.

– Прежде чем дальше что-либо обсуждать, я должен знать, как и от кого вы узнали обо мне и что вы вообще знаете обо мне и моих товарищах? – довольно резко потребовал разъяснения Влад.

– Всё просто. Здесь никакой загадки нет. Мое бюро с начала 90-х работает также и в России, оказывая консалтинговые услуги ряду крупных российских компаний, заинтересованных в инвестиционных привлечении из Западной Европы. Поверьте, наша рекомендация дорогого стоит, и если мы выносим заключение о том, что тот или иной проект в России заслуживает внимания, это значит, что на сто процентов западное финансирование будет обеспечено. Мы довольны результатами нашей деятельности в России.

Насколько я понимаю, господин Бекетов, у вас также есть собственная фирма "South American Technologies", занимающаяся международным коммерческим консалтингом. И эта фирма, помимо прочего оказывает услуги, в том числе и специфические, некоторым нашим российским партнерам. Они-то и представили в отношении вас и ваших коллег весьма высокие реляции; особенно много говорилось о ваших возможностях в Латинской Америке. Мы доверяем таким рекомендациям. Вот собственно мы так и узнали о вас.

Нам, вообще, нравится ваша специализация, и лично я считаю, что люди вашего профиля весьма полезны для бизнеса. Так что я предлагаю вам взаимовыгодное сотрудничество. Что вы думаете по этому поводу?

– Благодарю Вас за Ваши слова, господин Ленард, однако попрошу объяснить, в чем состоит задача, которая должна быть решена мной и моими друзьями. О деталях можем не говорить, но общую обрисовку задачи я ожидаю услышать сейчас.

– Хорошо, господин Бекетов. Вы производите впечатление человека, которому можно доверять и на слово, которого можно положиться, и я ожидаю от вас подтверждения, что всё

услышанное за этим столом здесь и останется, даже в том случае, если к общему взаимопониманию мы не придем.

Проговорив эту фразу, Конан Ленард выдержал многозначительную паузу, внимательно всматриваясь в лицо Влада, стараясь отследить его реакцию и, дождавшись подтверждающего кивка головы своего собеседника, с чувством легкого облегчения продолжил свои пояснения.

– Короче говоря; президент Комо, должен быть на время принудительно изолирован и отстранен от власти, и передан доверенным представителям, которые будут назначены нами. План операции разрабатывается вами, но с безусловным учетом наших рекомендаций, которые принимаются вами как императив. По успеху операции вам и вашим коллегам будет выплачено следующее вознаграждение.

С этими словами Ленард взял со стола белую бумажную салфетку и ручкой написал некую цифру с несколькими нулями, которую показал Владу, не выпуская, впрочем, салфетку из рук. Потом скомкал её и положил в карман пиджака.

– Сумма в долларах США. Разумные функциональные расходы на подготовительные мероприятия, само собой, оплачиваются отдельно. Разумеется, авансовые платежи поступают также по мере необходимости, – завершил свои изложения Ленард и несколькими затяжными глотками опустошил свой бокал с красным вином. – Что вы на это скажете?

– Ваши соображения мне в основном ясны. Спасибо за откровенность. Деньги предложены хорошие, что говорит о серьезности ваших намерениях. Тем не менее, вопрос должен быть нами изучен. Вы не могли ожидать от меня, что я смогу взять на себя ответственность сразу и немедленно на первой встрече без учета мнения моих партнеров. Само собой, я гарантирую конфиденциальность нашего разговора. – Ответил Влад и откинулся на спинку стула, машинально как четки перекладывая кофейную ложечку пальцами левой руки.

– Сколько времени вам нужно для окончательного ответа?

– Две недели, но прошу вас месье Ленард, пояснить только для меня, что побуждает лично вас и вашу компанию ввязываться в столь скользкое дело?

– Не рассчитывайте, что я буду во всём с вами откровенен, господин Бекетов, одно могу сказать, что, захватив власть, Комо отказался выполнять ряд обязательств перед нашими клиентами, что привело и приводит каждый день к значительным финансовым потерям.

Содержание его соперника Бангу также стоит денег. И главное.

Развивать бизнес в столь одиозной стране в условиях тотальной коррупции сложно и, кроме прочего, наносит ущерб деловой репутации весьма уважаемым людям, которые вынуждены общаться с этим диктатором, а наши клиенты, поверьте мне, весьма щепетильны в этом вопросе. Я ценю своих постоянных партнеров, и не собираюсь их терять, тем более что за мои услуги они платят хорошие деньги. Надеюсь, я удовлетворил Ваше любопытство.

– Вполне, и ещё раз спасибо за откровенность. Как я смогу с вами связаться?

– Через нашего общего доброго знакомого господина Алекса Бойера.

Если примите нужное нам решение, то через две недели жду вас в Вене.

После этих слов мужчины поднялись из-за стола, вместе вышли на улицу и на прощание пожали друг другу руки. Влад вывел новых знакомых с тем, чтобы дать Виктору, который давно уже был на точке контрнаблюдения, возможность проследить за отходом недавних собеседников и зафиксировать их дальнейшее поведение. То, что за время беседы от него не поступил предупреждающий сигнал тревоги уже свидетельствовало о том, что настораживающих моментов в окружающей обстановке он не выявил. Уже неплохо. Затем Влад вернулся в ресторан, допил свой бокал вина, бесцельно пролистал меню, и, решив, что времени прошло достаточно, рассчитался с официантом и вновь вышел на площадь, где его встретил всё тот же хмурый и недолгий парижский день.

Всё было как обычно, по площади кружились машины и вулканчики опавшей листвы, а похожие на нахохлившихся на ветру ворон парижане, подгоняемые порывами холодного ветра,

стремились побыстрее укрыться от промозглой дождевой мороси в узком чреве городского метрополитена. Начинало смеркаться.

Вечером, вернувшись в отель "Le Pasteur", друзья, как и договаривались с утра, решили обсудить события прошедшего дня, а заодно поужинать в лучшем ресторане городка Le Courneuve, который им рекомендовал всезнающий консьерж отеля.

Разговор, поначалу, складывался непросто по той простой причине, что полученная информация не могла полностью прояснить истинные замыслы заказчиков, и по этой причине не должна быть положена в основу окончательного решения. За скобками понимания остались конечные цели намечаемой операции, подлинная идентификация инициаторов идеи и исходная точка возникновения интереса к компании "South American Technologies", которую возглавляли Влад с Виктором.

Как таковая идея оказать содействие и осуществить государственный переворот в удаленной экзотической стране большего трепета в их душах не вызывала.

– Это, конечно, технически решаемый вопрос при соблюдении наших основополагающих критериев, – заметил Виктор. – А именно. А – достаточное финансирование; Б – правильный подбор сил и средств; В – скрытность всех подготовительных мероприятий, Г – надлежащим образом, разработанный план операции с учетом конкретики местных условий. Тогда всё можно сделать. Как думаешь?

– Думаю, да. – Живо откликнулся Влад, с удовлетворением слушая безупречную логику своего друга. – Что меня главным образом заботит так это то, как наши с тобой друзья в России воспримут это предложение, а без них за дело браться бессмысленно.

– Это так, но ответ на этот вопрос мы узнаем только в Москве. Пока что я хочу заметить, что этот Конан Леонард был весьма откровенен с тобой, раскрыв страну, вокруг которой формируется заговор. Ведь ты же не будешь настаивать на том, что данного тобой слова о неразглашении информации для этого господина достаточно. Явно нет. Так в чем же дело?

– Объяснение только в одном. Эти ребята о нас знают значительно больше, чем говорят. И, возможно, могут как-то повлиять на благополучие нашей компании, хотя бы через наших партнеров в России. Это меня это беспокоит. Однако есть один позитивный момент. Я его связываю с тем, что за поступившим предложением скрывается чисто коммерческий интерес, а не лукавая рожа спецслужб. Европейцы, как капризная женщина, не прощают тех, кто их кинул. А этот каннибал, который рядится в тогу президента, реально выставил их на деньги. Современная история пестрит примерами того, как крупные международные компании манипулируют правительствами и политиками малых стран, располагающих большими природными ресурсами с тем, чтобы обеспечить свои интересы. Так выглядит картина на первый взгляд и в этом конкретном случае. Однако, нам в этом выводе предстоит ещё убедиться.

Пока хорошо и то, что обстановка вокруг нас в Париже нормальная. Виктор, ты мне лучше скажи, удалось ли тебе проследить за Ленардом и Алексом?

– Да, но не долго. Попрощавшись с тобой, они повернули за угол и сели в представительский черный лимузин. Если не ошибаюсь, это был "Ситроен Метрополис". А потом проехали буквально мимо меня. Так что у нас есть и фотографии их лиц, и автомобиля и главное его номера.

– Ну что ж, когда мы вернемся в Москву, надо будет проверить все эти крохи информации и обязательно запросить наших партнеров в Берлине о регистрационной принадлежности автомобиля, Ленарде и его фирме. Думаю, к поездке в Вену, а я так вижу, мы туда поедem, мы будем лучше знать и о новых знакомых и о положении в Республике Маку, где они хотят заварить кашу, и многое встанет на свои места. А вот тогда мы с тобой и сделаем окончательный вывод и только после этого поговорим с нашими ветеранами. Надеюсь, "старики" нас поддержат, и тогда мы примем окончательное решение. А засим вернемся к более приятным вещам.

Повеселев, друзья энергично подогрели аперитивом свой интерес к великолепной французской кухне, отдавая должное фуа-гра, виноградным улиткам и мясу молодого барашка, и в итоге были весьма довольны тем, что отменное бургундское самым естественным образом уступило место не менее восхитительному кальвадосу и добрым сигарам.

На следующий день, заняв места в утреннем RER, направлявшемся в аэропорт Шарль-де-Голль, Влад спросил у Виктора:

– Ты что такой помятый? Не выпался?

– Именно так. Всю ночь за стенами и под полом кто-то шуршал и пищал. Такое впечатление, что мыши гонялись за тараканами, а крысы за мышами.

– Ну, раз в Париже так разбушевались мыши, то тогда действительно нам пора возвращаться домой.

320 Airbus ввинчивался в небо, пробивая зависшие над Парижем свинцовые тучи с тем, чтобы через несколько часов оказаться в объятиях тяжелых набитых снегом облаках над декабрьской Москвой. Друзья молчали, думая каждый о своем, и словно не замечали потуги турбулентности, бросавшей самолет из одной воздушной ямы в другую.

И только лишь когда на информационном табло красной строкой высветилась предупреждающая надпись "Fasten your belts", возвещавшей о скорой посадке в аэропорту "Шереметьево», Виктор спросил:

– Как думаешь, другие согласятся?

– Думаю должны, – растягивая слова, задумчиво, произнес Влад. – Мужики уже научились жить в зазеркальном мире. Они профессионалы, в конце концов, и застоялись в запасе без настоящих дел. А новому государству они не нужны. Изначально были не нужны. И поэтому согласятся.

– Но прежде, чем говорить с ними, нам самим нужно убедиться в том, что всё, что ты услышал в Париже не туфта. Иначе разговор с парнями не сладится.

– Верно, и вот поэтому я завтра лечу в Берлин. Там славу богу ещё остались настоящие люди, наши коллеги по славному прошлому. Информационных возможностей у них больше чем у нас. Они хлеб на этом зарабатывают, правда, сейчас уже в частном порядке.

– Ты имеешь в виду Генриха Брюгге и его аналитическое бюро?

– Именно. Ты знаешь, что немцы традиционно имеют хорошие позиции в Латинской Америке, где ещё до второй мировой были созданы немецкие поселения и куда выведены капиталы из рейхсбанка. Они заранее забивали себе зоны влияния и позиции к отступлению, если проект вечного рейха сорвется. Также дела обстоят и в арабском мире. Некоторые современные арабские политики до сих пор рассматривают Роммеля как освободителя от английской колонизации. Ну а в Европе немецкие спецслужбы всегда чувствовали себя как рыба в воде. У коллег из бывшего штази сохранились ещё возможности. Думаю, они по старой дружбе проверят для нас и Ленарда, и его компанию, и Бангу, и поймут, кто скрывается за всем этим цирком.

– Верно. Передавай Генриху приветы и скажи, что я помню его.

– Обязательно передам. Мы с ним вспомним и их и наших общих ветеранов, и водочку с пивом попьем за их здоровье и удачу. В Берлине я задержусь на несколько дней, пока не появятся сведения по нашей проблеме от источников Генриха.

– Хорошо, тогда и встречу с нашими друзьями у нас на Академической проведем сразу после твоего возвращения.

– Именно так. И проведем её в зависимости от результатов проверки, которые мы получим от немецких товарищей.

Как часто в жизни человек переступает через незримую черту, увлеченный собственными страстями и желаниями, и вступает в пределы неведомого.

Делает свой первый шаг вначале робко, полный сомнений и ожиданий, а потом захваченный круговоротом событий, не подчиненных его воле, превращается просто в игрушку обстоятельств.

Глава VII

За три месяца до описываемых событий Брайан Дарси, мужчина в расцвете сил не лишенный признаков излишней полноты, руководитель консалтинговой компании "OSP-Oil strategic prognosis", занимающейся исследованием нефтяных рынков, сидел в своем парижском офисе и с сомнением просматривал сводный отчет, подготовленный его специалистами.

С его лица не сходила скептическая ухмылка. Дойдя до раздела "Выводы и Предложения", Дарси взял синий фломастер и резкими движениями вычеркнул несколько параграфов. Затем, подтолкнув к себе пачку голубого "Парламента", вытащил сигарету, отломил у неё фильтр с золотистым ободком и несколько раз облизал распадающийся кончик никотинового стержня, стараясь слюной закрепить выпадавшие крупинки табака. Чиркнул зажигалкой и, на секунду заглядевшись на вспыхнувший оранжевый фитилек пламени, глубоко затянулся, с наслаждением пропуская через нос струйку терпкого белесого дыма.

Потом поднял трубку настольного телефона и дважды ткнул в его черные кнопки. На другом конце провода кто-то глуховатым голосом незамедлительно ответил – "Да, слушаю".

– Послушай Том, я прочитал отчет вашей группы, который как всегда не плох. Однако сделанные выводы слишком туманны и не годятся для принятия корректного решения. Наш клиент ожидает однозначности, а не набора предположений. Заказчик просто проигнорирует их, а мы, наша компания, потеряем не только контракт, но и репутацию. Ты ведь знаешь, что заказчиком исследования является "UNIPETRO-Universal Petroleum", а это не рядовая нефтяная компания, а весьма крупный игрок на мировом рынке углеводородов. На кону миллиарды долларов США.

Вы так и не вскрыли причину, почему при общем росте биржевых котировок большинства нефтяных добывающих компаний курсы ценных бумаг именно "UNIPETRO" подвержены столь высокой волатильности и в целом катятся вниз? Словом, Том, ты не мог бы подняться ко мне. Есть вопросы, но не по телефону.

На другом конце линии кто-то тяжело вздохнул и ответил – "ОК."

В ожидание прихода своего заместителя Дарси вновь вернулся к аналитическому обзору, не обращая внимания на сигарету, догоравшую в черной пепельнице, которая своей причудливой формой напоминала расплюснутый на асфальте апельсин. Глаза перебежали от строчки к строчке, и на его лицо вновь стала напирать гримаса недовольства.

В итоге он отложил сброшюрованный многостраничный отчет, почувствовав, что нужно опять чем-то взбодриться и что без дополнительной дозы никотиновой инъекции ему не обойтись. Немного помедлив, потянулся к полупустой пачке сигарет и, слегка примяв её, несколько нерешительно стал вытягивать очередную сигарету. Однако увидев, что в его экстравагантной пепельнице уже собралась внушительная горка окурков, что означало явный перебор, решил остановиться и, сделав над собой героическое усилие, затолкал сигарету обратно в пачку.

День определенно не складывался.

Преодолеть искушение ему помог стук в дверь. Створки распахнулись, пропуская в кабинет весьма габаритного в плечах и животе человека с пышной рыжей шевелюрой. Он был одет в голубые потертые джинсы и клетчатую рубашку, с закатанными по локоть рукавами и с темными обводами от пота в области подмышек.

Одутловатое мясистое лицо вошедшего украшали очки в овальной металлической оправе, феноменальным образом зацепившиеся за кончик короткого широкого носа. В правой руке толстяк держал пухлую бордового цвета папку, набитую графиками, диаграммами и прочей аналитической эквилибристикой. В левую был зажат смятый носовой платок, которым он промокал капельки пота, выступавшие на лбу, щеках и жирном рыхлом носу с завидной

регулярностью. Это был Том Андерсон, заместитель и правая рука Брайана Дарси и лучший аналитик компании.

При всей комичности своего внешнего облика одутловатое лицо Тома демонстрировало решительность и готовность к интеллектуальной схватке.

– Послушай, Брайан, – без промедления прямо от дверей выпалил он. – Мы потратили почти месяц для того, чтобы отследить ситуацию вокруг "UNIPETRO". Последние данные по NYSE и AMEX только подтверждают высокую неустойчивость биржевых активов этой компании, что, конечно, удивительно при общей тенденции роста цен на нефть, бензин, дизельное топливо и прочие углеводородные производные.

Ты хочешь невозможного, чтобы мы опровергли ведущих специалистов в этой области и выступили оппонентами таким авторитетным изданиям как "Valeu Line investment survey" и «Valeu Line Selection and Opinion», которые дают симметричные оценки. Кроме того, и это уже не секрет, что долговые бонды "UNIPETRO" плохо торгуются на рынке, так как скатываются к мусорному рейтингу. От них стараются избавиться и выставляют на досрочное погашение с большим дисконтом.

По всем признакам кто-то проводит массированную атаку на "UNIPETRO" и пытается выдавить её с таких перспективных рынков как Латинская Америка, Китай и Япония.

– Вот именно, Том, – откликнулся Дарси, который в течение всего монолога своего сотрудника молча слушал его, откинувшись в кресле, и покачивал ногой в лакированном черном ботинке, как бы подчеркивая высокую степень внимания к выкладкам своего помощника.

– От нас ждут не только точных выводов, – продолжал он. – Проблема и так на виду, чтобы её можно было бы так просто проигнорировать. От нас ждут не общего заключения с констатацией фактов, но предложений, как выбраться из этой ситуации.

– Послушай, Брайан, а немного ли хочет от нас "UNIPETRO"? В конце концов, мы аналитики, а не команда спасения и нам бесполезно звонить по номеру 112. Насколько я понимаю, вопросы стратегического развития компании и тем более меры по выводу её из кризиса решаются на совете директоров, а не нами.

– Верно, но заказчик оплатил нам аналитику по двойному тарифу. – Дарси как-то нервно дернулся и опять потянулся к пачке "Parliament", на сей раз, решив не сдерживать себя. Он не колеблясь, вытянул из неё длинную белую сигарету, размял её нервными худыми пальцами и чиркнул зажигалкой "Крикет" в красной пластмассовой рубашке, вызвав к жизни тонкий язычок желто-голубого пламени. С наслаждением затянулся и бросил на своего заместителя недовольный взгляд.

– Вот что, Том, если заказчику нужны наши предложения, мы их сделаем. Чего бы нам это не стоило, и чтобы ты сейчас не говорил. Не мы заказываем музыку, но мы под неё танцуем, и ты спляшешь даже на голове, если того потребуют интересы дела.

– Хорошо, хорошо, может быть. А ты не задумывался над тем, что тем самым мы связываем себя обязательствами, и берем на себя известные риски с неясными последствиями и для тебя, и для меня, и для нашей компании.

– Нет, я так не считаю. В конце концов, лавры победителя, равно как, впрочем, и терновый венец неудачника достаются тому, кто принимает решения, а не тому, кто, дает советы. А мы советники и не более того, и этим наша роль ограничивается. И степень достоверности наших прогнозов, как и любых других, кстати, не более пятидесяти процентов.

И "UNIPETRO" всё это прекрасно понимает.

Дарси резко встал из-за стола, наклонился и сильным движением вдавил недокуренную сигарету в доньшко пепельницы. Мельком взглянул на Тома Андерсона и подошел к окну, наполовину прикрытому грязноватыми с разводами пластиковыми жалюзи. Развернулся и присел на белый подоконник. Затем зачем-то стал бесцельно вглядываться в аляповатый офорт, изображавший хаотичное перекрестье множества разноцветных линий, который болтался у

него на стене кабинета со дня открытия офиса, не привлекая, впрочем, ничьего внимания, за исключением, пожалуй, только недовольной уборщицы, которая регулярно морщась, стирала с него накопившуюся пыль.

Повисшее молчание неприлично затягивалось. Том Андерсон стоял, переминаясь с ноги на ногу, чувствуя нарастающее внутреннее беспокойство, и терялся в догадках, исчерпана ли тема разговора или ещё нет. В этот момент Брайан Дарси прервал молчание и, растягивая слова, словно желая придать им большую значимость, начал говорить:

– Том, я скажу тебе больше. Может быть, я должен был сказать тебе об этом раньше. Может быть. Не знаю. Мне стало известно, что для того, чтобы добиться перелома негативной тенденции на бирже и в финансовом положении компании в целом, руководство "UNIPETRO" рассматривает вопрос о докапитализации всего холдинга. То, что сейчас я тебе скажу дальше, носит исключительно конфиденциальный характер и разглашение сведений, которые я хочу тебе сообщить, влечет за собой юридическую и финансовую ответственность и для нас с тобой, и для нашего консалтингового заведения,

– О чем ты Брайан? Не первый раз наши заказчики делятся с нами закрытой информацией, в том числе предназначенной исключительно для внутреннего потребления. Слово свое мы держим, на ветер не бросаем и от правил не отступаем. Об этом все знают.

– Извини, это я к слову. Итак, дело в следующем. Некий инвестиционный фонд из Катара не прочь приобрести 5 % управляющих акций "UNIPETRO", вложив в компанию более пяти миллиардов долларов США. Однако арабы пока сомневаются. Думаю, они не дураки, и также как мы читают биржевые обзоры и аналитику.

И всё же, если они согласятся, а положительно отреагировать катарцы могут только в том случае, если "UNIPETRO" продемонстрирует свою надежность, и, главное, потенциал своего развития, то благодаря арабским деньгам смогут нарастить свои активы и укрепиться на биржах. А также, привлечь на свою сторону полезного во всех отношениях инвестора, готового участвовать не только в текущих, но и перспективных проектах. Тогда можно было бы рассчитывать на рост и диверсификацию, и другие кредитные заимствования.

Но для того, чтобы сыны Ближнего Востока приняли нужное решение, требуется звучная правдивая или правдоподобная информация об успехах "UNIPETRO". А где её взять, скажи мне на милость?

Поэтому Том, я убедительно прошу тебя о следующем. У нас есть ещё неделя. И у тебя, я знаю, есть хорошие инсайдеры, как среди биржевых брокеров, так и в среде значимых производителей нефти в ряде регионов мира, да и в самой. Если тебе надо слетать куда-то, то без вопросов, касса компании в твоём распоряжении, собирай чемодан и лети. Делай, что хочешь, привлекай кого хочешь. Главное, добудь нужную нам информацию, черт возьми, или изобрети, создай её, хоть в стиле фэнтези, и заставь циркулировать в среде бизнес сообщества. Лучше, конечно, если твоё творчество окажется близким к реальности. Тогда твоё dummy могло бы повысить рейтинг "UNIPETRO". И было бы просто отлично, если бы он продержался хотя бы месяц. Этого времени будет достаточно, чтобы оболванить арабов и затолкать их под венец с нефтяниками. А там кто знает, может быть всё и сладилось бы? И с нас взятки гладки.

– Как, согласен?

Том по-прежнему стоял неподвижно, лишь продолжая переминаясь с ноги на ногу и стараясь уловить, к чему всё-таки клонит его хитроумный босс. Может он как всегда он знает больше, чем говорит, и на любую ставшую для него доступной информацию навешивает гриф сверхсекретности. И делает это неспроста. Старый волк. Знает, хорошо знает, как много значит упреждающая информация, и что её желательно выцеживать по каплям, оставляя поле для маневра и манипулирования людьми. Но он босс, с ним не поспоришь – себе дороже станет. Уж лучше согласиться, а там посмотрим, что выйдет. Как говорится, бог не выдаст, свинья не съест.

Решив, что согласие – лучшая форма защиты, Том Андерсон решил больше не сопротивляться, вытащил из кармана брюк не первой свежести скомканный носовой платок, протер им свои разом вспотевшие от волнения очки и вновь водрузил их на широкое седло картофельного носа. Потом, не говоря ни слова, покорно кивнул своей курчавой лунообразной головой, повернулся, и весьма ловко для столь грузного человека пронырнул через приоткрытый дверной проём и покинул берлогу начальственного кабинета, оставив за собой запах потного тела, несвежего носового платка и незакрытую дверь.

Проводив снисходительным взглядом спину своего чудаковатого зама, Дарси вернулся к своему креслу, сходу плюхнулся в него и закинул на стол ноги в лакированных полуботинках. Таким образом, он вернул себе чувство равновесия после интеллектуального экстремта, а заодно дал отдых разнывшимся набухшим и затекшим венам – мучительное заболевание, которым, он страдал последние пять лет. Взгляд мужчины бесцельно блуждал по кипам бумаг: отчетам, бюллетеням, сводкам, которые низенькими холмиками покрывали большую часть поверхности его рабочего стола, – по всему тому, что составляло содержание его жизни, приносило хороший доход, а с ним и творческое удовлетворение как шахматисту после хорошо разыгранной партии.

Лицо постепенно обрело привычное меланхолическое спокойствие, сохраняя некий налет иронично-скептического выражения. Румянец возбуждения спал и мысли раздерганными строчками опять заскользили в его голове, заставляя ещё больше сомневаться в выводах аналитической записки.

– Собственно говоря, – подумал он, – если этот опус оставить в том же виде как он есть под видом углубленного анализа сложившейся обстановки, только видоизменив и смягчив столь неутешительные для "UNIPETRO" выводы, то полдела можно считать будет сделано, ну может быть три четверти от ожидаемого. А там поглядим, что придумает или раскопает Том, недаром он славится своей изобретательностью и умением выбираться из тупиковых ситуаций. Надеюсь, что он не промахнется и на этот раз. Блестящий аналитик, но область интриги не для него. С заказом такого уровня надо обращаться осторожно, как с динамитом – не знаешь никогда, наверняка, когда и в чьих руках он взорвется.

Руководство "UNIPETRO" вряд ли целиком одобрит такой документ, но шанс сохранить свое реноме и заказчика на будущее всё же остается, и он достаточно высокий. Найти объяснение внешней атаки на активы "UNIPETRO" изначально было сложной задачей, а дать конкретные предложения по противодействию ей, тем более сформулировать идею по росту капитализации компании в таких условиях представляется вообще невыполнимым делом. Причем, не только службы анализа и прогноза, но и для высшего руководства самой этой компании, в чьи prerogatives эта задача собственно и входит.

Грешно было отказываться от заказа за такие деньги. А то, что для этой задачки нет однозначного решения – это даже хорошо, а значит в случае промашки и взятки гладки. Какой собственно с нас спрос? Вы спросили – мы ответили, а гарантий, что мы вытащим вас из ямы никто, не давал. И это уже совсем другая песня и за другие деньги.

Понятно, что почти каждый клиент запрашивает сверх того, так этот фокус тоже известен: как говорится, любой каприз за ваши деньги и максимум удовольствия. Так и в данном случае, парни из "UNIPETRO" нервничают, звонят через день, но это неважно – пережить можно.

Кроме того, эта компания не такой уж большой профан и не первый год в бизнесе. Всегда пишет один, а два или все три у неё всегда в уме. Предпочитает заказывать исследование на одну и ту же тему одновременно и сразу нескольким консалтинговым и аналитическим фирмам, что конечно весьма разумно и повышает уровень аккуратности выводов и заключений. При том, что и в самом холдинге существует целый аналитический департамент.

Весьма ушлые и изворотливые люди. С выборами средств и методов решения своих проблем не церемонятся.

А мы давно знаем, что любые предложения и рекомендации, выданные заказчику, являются весьма коварным и ответственным делом. Как не понимать, что в нынешнем положении присутствует ощутимый риск того что, "UNIPETRO" может не выбраться из финансовой западни, в которую сама и закатилась. А тогда вирус поражения прицепится и к "OSP-Oil Strategic Prognosis", родному детищу Дарси, которое он столько лет холил и оберегал, и подорвал бы её авторитет и положение на рынке международных аналитических услуг. Любой готов будет ткнуть пальцем в нашу сторону – "Мол, вот они советнички. Надавали рекомендаций, которые усадили компанию в лужу". Нет, грохнуться на дно вместе со своим, даже любимым заказчиком, перспектива малопривлекательная. Этими забавами занимайтесь без нас. Дураков нет.

А вот, если бы выданные "UNIPETRO" советы оказались бы качественным продуктом, то я, Дарси, приобрел бы и надолго весьма состоятельного и постоянного заказчика, что уже весьма неплохо. И авторитет "OSP" резко возрос бы. Все бы заспешили за благословением к прославленному гуру. Вот только бы выгорело дело у Тома Андерсона.

Погрузившись в эти размышления сколь безрадостные столь и обнадеживающие, Дарси машинально взял со стола недопитую чашку холодного кофе, с сомнением посмотрел на неё, и, звякая ложкой, принялся размешивать загустевший напиток, стремясь разогнать образовавшийся на доньшке осадок. С сомнением оценил достигнутый результат и с расстановкой выпил тягучую темно-коричневую эмульсию.

Затем уже без каких-либо колебаний вытащил очередную сигарету, и стал жадно курить её, часто и глубоко затягиваясь. Кофе и сигареты всегда успокаивали его и помогали привести мысли в порядок. Потом потянулся за трубкой настольного телефона и нажал на кнопку быстрого вызова абонентов. Дождавшись ответа на другом конце линии, с расстановкой произнес – "Через неделю" и вернул трубку на аппарат.

Простая и бесхитростная мысль пришла к нему в голову – "А ведь теперь всё и деньги, и личная репутация зависят от рыжеволосого, вечно потеющего увальня Тома".

* * *

Глава VIII

К исходу третьего дня после описанных событий, когда последние лучики заходящего солнца уже заканчивали пересчитывать пылинки в неухоженном кабинете Дарси, стоявший на его рабочем столе белый телефон резко и требовательно задребезжал, выводя своего хозяина из полудремотного состояния.

– Это я, – раздался в трубке чуть запинаящийся голос Тома Андерсона.

– Послушай, Брайан, похоже, я нашел то, что нужно. Идея может показаться неожиданной, но в ней что-то есть.

Ты не против, если сегодня вечером мы встретимся за ужином в твоём любимом ресторане? Поговорим с одним моим приятелем. Он сейчас по делам в Париже, и мы просто выслушаем его и обсудим то, что он скажет.

– Что это за парень и чем он интересен?

– Всё просто. Этого парня я знаю давно, и он неоднократно бывал мне, то есть нам, весьма полезен, только я не говорил тебе от кого и каким образом получена информация. Сам он журналист, занимается также аналитикой, латиноамериканец, сотрудничает с несколькими европейскими газетами и изданиями. Так как?

– ОК. Том, приводи своего парня. Надеюсь он нас не разочарует, и встреча того стоит.

В десять вечера, когда уже окончательно стемнело и Париж, радостно вздохнул, приветствуя окончание долгого рабочего дня, а первые капли долгожданного дождя, даря легкую прохладу, упали на измученный удушающим дневным зноем город, Дарси припарковал свой темно-синий БМВ-5 на авеню Villiers. Мужчина быстро вышел наружу и, по-черепашьи втянув голову в плечи, стараясь спрятать её от холодных водяных струек, почти вбежал в ресторан "Le Grand Bistro".

В вестибюле задержался перед большим зеркалом в тяжелой под бронзу раме и тщательно причесал черные влажные волосы, стараясь прикрыть намечающиеся лобные залысины. Затем он зашел в центральный зал, полный жующих, выпивающих и разговаривающих людей, остановился и стал осматриваться. Наконец, его взгляд не выхватил из общей обстановки нишу в стене со статуей мраморной обнаженной дивы с рубенсовскими формами и столик под ней с угловым синим полосатым диваном, на котором разместилась колоритная фигура Тома Андерсона и незнакомый ему мужчина.

Ловко заскользив между рядами гомонящей публики и, стараясь ненароком не подтолкнуть чью-то руку со стаканом вина или вилкой с нанизанным на неё куском мяса, Дарси, наконец, добрался до места, где торжественно восседал Андерсон со своим приятелем. Он весело спорили о чем-то, и Дарси невольно обратил внимание на загорелый цвет лица незнакомца. Он явно был родом из тех благодатных вечнозеленых стран, где тропическое солнце навечно выжигало свой неизгладимый отпечаток на лицах и телах их обитателей.

– Брайан, – приветствовал его Том, по обыкновению промокая ресторанной салфеткой пот на своем широком лбу, – позволь представить тебе моего давнего друга и партнера сеньора Лукаша Альмейда. Он журналист из Сан-Пауло, работает в издательстве Jornal Diário do Comércio. По моей просьбе Лукаш изучил нашу проблему и у него есть неплохие соображения по этому поводу. Мне кажется, что его информация кое-чего стоит, но вначале, Брайан, закажи себе чего-нибудь. Разговор предстоит долгий.

Улыбнувшись, Дарси, кивнул головой, с интересом наблюдая за тем, как его зам пытается разыгрывать роль гостеприимного хозяина и короля положения. Мужчина оглядел сервировку стола, которая раскрыла для него не только предпочтения его собеседников, но и явно доказывала, что к вечерней трапезе они приступили уже давно и одолели не менее половины гастрономической дистанции.

Чревоугодник Андерсон весьма успешно заканчивал говядину по-обракски, от которой ему ещё осталось одолеть совсем маленький кусок, а его бразильский визави отдал предпочтение внушительной порции сочного шотландского лосося, помочь справиться с которым по его соображению должны были две бутылки доброго рислинга урожая 1996 года.

Решив не вступать в соревнование с известными гурманами, Дарси заказал для себя необременительную порцию замечательных бургундских улиток, бокал Мерло и чашечку кофе-эспрессо "Lavazza" с молоком.

Вскоре миловидная официантка, одетая в стилизованное под греческую тунику голубое платье с бордовым передничком, привлечшая внимание до половины всех присутствовавших в ресторане мужчин своими длинными светло-русыми волосами, свободно ниспадавшими на её округлые оголенные плечи, вздернутым задорным носиком и мягкими обводами лица, доставила заказ Дарси и, обворожительно всем улыбнувшись, расставила его на столе.

Прошло ещё минут десять, в течение которых все трое сосредоточились на своем ужине, пока, наконец затянувшееся молчание не было прервано Томом Андерсоном.

– Коллеги, – несколько пафосно начал он, – я хочу попросить сеньора Альмейда поделиться с нами своими соображениями, которые мы внимательно и с благодарностью слушаем.

Лукаш Альмейда был типичным представителем породы "paulistas", то есть выходцев из самого динамичного города Бразилии – Сан-Паоло: живой, энергичный, проницательный человек, имеющий на всё свое личное мнение. Его подвижные черные глаза светились задором, выдавая в нём весьма ироничного человека. Одетый в элегантный серый с переливом костюм, нежно-голубую полосатую рубашку со стоячим воротником, перетянутым широким в серую диагональ светлым галстуком, завязанным косым крупным узлом, и аккуратно причёсанными черными волосами, разделенными лезвийной линией левого пробора, Альмейда являл собой образ классического латиноамериканского идадьго.

– Уважаемые господа, поднимая этот бокал за нашу встречу, – несколько церемониально начал свою речь бразилец, переводя взгляд своих блестящих антрацитовых глаз с одного своего собеседника на другого.

Моя жизнь сложилась так, что из своих 42 лет я половину срока проработал в качестве штатного журналиста, а моментами даже обозревателя в различных газетах и издательствах города Сан-Паоло, отдавая свои знания и способности на суд придиричивых редакторов. Однако в настоящее время я, придерживаясь, амплуа независимого журналиста, что дает мне не только свободу выбора, но и немало преимуществ в вопросах общения с представителями различных общественных слоев, от директоров крупных компаний и местных политиков до жителей наших знаменитых фавел. Эта возможность облегчает мне задачу по выбору тем, которые я считаю особо актуальными и заслуживающими общественного внимания. Моя независимость и незаангажированность привлекает людей, позволяет устанавливать с ними доверительные отношения, а это верный путь выхода на сенсационную информацию. Мои работы востребованы, часто размещаются в главной редакционной колонке, и понятное дело неплохо оплачиваются рядом ведущих изданий нашего города, включая и знаменитый Jornal Diario do Comercio, который упомянул при нашем знакомстве мой друг Том.

– Я понимаю Вас, г-н Альмейда, – прервал его монолог Дарси, решив про себя, что пора умерить пафос и самолюбование латиноамериканца и переходить к основной теме разговора, ради которой все и собрались. – У нас с вами схожие профессии и задачи, хотя бы в том, что мы оба являемся заложниками информации и сенсаций. Поэтому, сокращая предисловие, я хотел бы Лукаш, если вы мне позволите эту фамильярность называть вас в дальнейшем по имени, поинтересоваться вашим мнением о компании "UNIPETRO" и её положении в настоящее время. Надеюсь, Том не терял времени даром и не зря побеспокоил вас, считая, что от вас мы сможем услышать пару дельных советов по этому вопросу.

– Я в курсе вашего интереса Брайан, позвольте, и я вас буду так называть, раз уж мы перешли на ты. Прошу извинить меня за многословность. Признаюсь, у меня есть эта нескладная привычка, за что мои коллеги иногда зовут меня "канариной", что означает канарейка. Правда меня это название не обижает, а даже наоборот, так как у нас в Бразилии принято награждать друг друга прозвищами.

Так вот, месяц назад мне довелось готовить заказную статью по одной экологической проблеме, связанной с промышленным освоением бассейна Амазонки: прокладка дорог, расширение площадей по добыче минерального сырья, вырубка ценных пород дерева и всё такое подобное. Вокруг этой темы у нас в Бразилии ведутся бесконечные споры, и число сторонников запрета на хозяйственную деятельность в этом районе страны равно числу его противников.

Ряд необходимых материалов для статьи я сумел получить в нашем "Институте экологических и энергетических проблем" от своего давнего знакомого, работающего там штатным сотрудником, который является специалистом по защите окружающей среды. Так вот, среди прочего этот эколог рассказал мне о своем беспокойстве в связи с ожидаемым реальным началом добычи нефти на территории Экваториальной Гайаны или Республики Маку.

Это небольшое государство, втиснутое между Французской Гвианой и собственно Бразилией. Районы предполагаемой добычи нефти располагаются на прибрежной атлантической территории Республики Маку, практически на заболоченных участках, чье геологическое строение идентично всемирно известному Маракайбо в Венесуэле. Структура нефти точно такая же – есть и весьма легкая нефть, но есть и обширные битуминозные залежи. В болотной глине этих районов обнаружено также повышенное содержание урана, как и в озере Маракайбо. Это уникальное место, над которым, как и над нефтяными районами Венесуэлы по ночам часто блещут мириады беззвучных разрядов небесного электричества, освещаая всё вокруг на сотни километров.

В этих местах пока что сохранилась природа, не тронутая безумным вмешательством человека, как это уже произошло в Венесуэле. Поэтому, как считает мой друг-эколог, требуется солидарное решение ООН, чтобы запретить в Республике Маку промышленную добычу нефти и объявить эти территории, национальным заповедником, находящимся под защитой ЮНЕСКО и других международных природоохранительных организаций, а Республика Маку в качестве возмещения утраты экономической выгоды могла бы получать регулярные финансовые компенсации из бюджета ООН.

Понятно, что бразильские защитники окружающей среды крайне обеспокоены тем, что гайанцы или вернее международные нефтяные картели, как оно и есть на самом деле, вскоре начнут там эксплуатацию недр. Тогда эта деятельность нанесет непоправимый ущерб природному миру Амазонки. Вероятность такого исхода очень велика. Дело в том, что районы предполагаемой нефтедобычи примыкают к девственным лесам и водному бассейну величайшей реки на нашей планете. В случае аварии или даже нормативных утечек нефти на промысловых участках заражению подвергнется огромная часть этой территории.

– Отчего же так пессимистично? – подал свой голос Том Андерсон, который к тому времени успешно завершил свою трапезу и начал раздумывать над тем, а не дополнить ли её ударным финалом и заказать себе ещё приличный десерт и рюмочку другую замечательного ликера "Амарула". – Всё может выйти и по-другому к общей выгоде всех заинтересованных сторон. Современные технологии позволяют обеспечить сохранность природы.

– Слова, одни слова, – начал горячиться темпераментный Альмейда, стремясь растолковать опасную ситуацию своему непонятливому другу. – Все реки, вытекающие из бассейна Амазонки в Атлантику, не имеют дельты, которая выступала бы за континентальную береговую линию. Прилегающие территории сплошь низменные, а это значит, что влияние океана на Амазонку очень сильное, так как приливы распространяются вверх по этим рекам на десятки

и сотни километров. Местные индейцы йономамо и явалапити называют это явление поророкой, что можно перевести как "гремящая вода".

Когда речная вода сталкивается с непреодолимой силой океанского прилива, то образуется крутой водяной вал до 5–7 метров высоты, который с невероятным шумом несется вверх по руслам и рукавам рек. Вся местность наполняется таким сильным гулом, что всё живое, включая людей, впадает в панику и мечется в поисках убежища.

Поэтому ты можешь легко себе представить на какую территорию вглубь Амазонки, в случае утечки нефти, эти приливы разнесут масляную пленку.

На протяжении всего длинного монолога Альмейды Дарси сидел молча и только иногда прикладывался к своему бокалу с вином, стараясь понять, к чему клонит его случайный собеседник. Когда южноамериканец прервал свой рассказ, намереваясь раскурить темно-коричневую сигариллу, Дарси, растягивая слова и словно стараясь быть более убедительным, сказал:

– Оставим в стороне экологические аспекты. Мы не защитники окружающей среды, а эксперты, которые должны предугадывать, когда и куда могут быть вложены финансы и извлечена максимальная прибыль. Нам платят за наши корректные рекомендации. Теперь об этой стране. Насколько я представляю себе, первые изыскания на нефть на территории Республики Маку дали не самые многообещающие результаты. Да, нефть там есть, но её гарантированные запасы ещё не доказаны и вопрос о начале промышленной разработки ещё далеко не решен. Я должен вам пояснить, что компания "UNIPETRO", которая является нашим клиентом, имеет в этом районе заявочные участки № 11, № 15 и ещё пару, которые к тому же ещё не прошли процедуру юридического оформления в соответствии с национальным законодательством Республики Маку. Боюсь, что количество нефти, которая может быть извлечена из этих месторождений не сможет окупить даже затраты на разведочные работы.

А по-вашему выходит, что широкая нефтедобыча в этих местах стоит уже на повестке дня и мировая гонка за доступ к этим ресурсам должна начаться чуть ли не со дня на день. Выходит, что геологоразведывательная служба "UNIPETRO" сделала неверный вывод из сейсмического анализа состояния нефтеносных слоев и дезориентировала свое руководство?

Вы представляете себе последствия нашей ошибки, если мы будем настаивать на противоположном мнении.

Так что, Лукаш, рассказ ваш хотя и познавателен, но скажите, чем он может быть полезен для "UNIPETRO", о которой мы все так печемся?

Выпустив в сторону голубой неоновой подсветки потолка тонкую струйку дыма, Альмейда внимательно взглянул на Дарси так, как если бы он увидел его впервые, улыбнулся и спокойно сказал:

– Позвольте я продолжу. Так вот, при подготовке статьи на эту тему, я наткнулся на любопытную информацию. Ею, вначале в исключительно устной форме и весьма доверительно со мной поделился всё тот же добрый знакомый из "Института экологических и энергетических технологий". По его словам, бразильская компания "OGX-Amazonas" не так давно завершила комплекс изыскательских геологоразведочных работ в этих местах. Цель – определение объемов запасов нефти и оконтуривание перспективных нефтеносных площадей.

Понятно, что работы велись на бразильской территории, на участках, непосредственно прилегающих к государственной границе Республики Маку. Полученные результаты выглядят крайне оптимистично и требуют переоценки тех выводов, о которых вы сами только что мне сказали.

Однако уже сейчас ясно, что открыто гигантское нефтегазовое месторождение, площадь которого охватывает территории сразу нескольких стран, включая Бразилию и Республику Маку. Возможно, оно смыкается с нефтяными залегами бассейна реки Ориноко и озера Маракайбо. Пока что это только предположение, но весьма вероятное.

Специалисты компании "OGX" утверждают, что лабораторные исследования взятых образцов показывают, что эта нефть отличается низкой вязкостью и сравнима с легкой тexasской нефтью, содержит высокий процент растворенного в ней газа и является высокотемпературной, а также имеет низкое содержание песка. Всё это облегчает её добычу и делает весьма востребованной на мировом нефтяном рынке.

Чтобы там не было, это гигантское перспективное месторождение. Одно плохо. Оно глубоко заходит в большую Амазонку, и его промышленная разработка может нарушить этот дивный мир.

По словам моего ученого друга, правительство Бразилии приняло решение убедить компанию "OGX-Amazonas" засекретить результаты исследований. Правительственные органы хотели бы установить для этих территорий, хотя бы в пределах национальных границ, статус государственного заповедника на тридцать лет без права ведения там какой-либо производственной деятельности.

Компания "OGX" также внакладе не останется. Правительство не только компенсирует ей все понесенные расходы на исследовательские работы, но и выдаст бесплатные лицензии и беспроцентный привилегированный кредит для эксплуатации нефтеносных участков в другом месте, в частности, в штате Белу Оризонте.

– Я должен с вами согласиться. Это очень неожиданная и интересная информация, месье Альмейда, – живо откликнулся Дарси, слушавший сообщение бразильца с возрастающим вниманием и, подбадривая себя чередованием глотка Мерло и затяжкой очередной сигаретой.

– Я благодарен вам за неё. Однако скажите, – продолжал он. – Если это секрет Бразилии, то, что могут знать о нем другие страны и международные нефтяные компании, представленные в этом регионе мира. Каково ваше мнение на этот счет?

– Только, как мое предположение, – улыбнулся Альмейда, который к этому моменту обрел в себе полную уверенность как человек, который держит основную нить беседы в своих руках. – Как любят говорить англичане – "What is done by night appears by day" – "Что сделано ночью, проявится днем." Конечно, утечка этого коммерческого секрета предопределена, так как со стороны Бразилии замечено, что на болотах прибрежной зоны Республики Маку резко активизированы буровые работы, которые ведет тexasская компания "Huston Oil Industries", тесно связанная с одним из мировых нефтяных гигантов. Уверен, что ожидаемые американцами результаты совпадут с выводами "OGX-Amazonas" и вот тогда действительно начнется гонка за право обладанием нефтеносными участками. Это всё, что я могу сказать вам по этому поводу.

Я, как и вы не полагаюсь на слова, а предпочитаю больше доверять проверенным фактам и документам. Поэтому я месяц уговаривал своего источника из "Института экологических и энергетических проблем", чтобы он предоставил мне конкретные подтверждающие данные. И сумел добиться своего, конечно за приличные деньги. А как же? И начал готовить статью, понимая всю меру ответственности за обнародование этих сенсационных материалов. Поверьте, я знаю, что такое журналистский риск. И у нас за лишнее слово можно быстро возлечь бездыханным на мусорную кучу. И вот когда я размышлял над возможными перипетиями и последствиями мне позвонил мой друг Том.

И потому я здесь и готов передать вам папку с этими материалами, в которых есть и цифры, и факты, и соответствующие выводы. Условия, которые обрисовал мне Том, меня устраивают, равно как и размер вознаграждения. И поверьте, делаю я это с чувством некоторого облегчения. По крайней мере, статьи с моей подписью не будет, а это значит, что спать я смогу спокойно.

Последние слова Альмейды словно подвесили в воздухе ответы на все вопросы и вернули к жизни полифонию из людских голосов, моментально заполнявшую объем зала быстро. Застучали столовые приборы, заскрипели отодвигаемые стулья, зажурчала тихая мелодия популяр-

ного шансона. Казалось, музыка звучала прямо из-под потолка, сквозь тихие аккорды пробивалось неприятное резкое тьяканье кривоногого коричневого пинчера, суетившегося на коленях своей терпеливой хозяйки где-то в дальнем углу ресторанного чертога.

Дарси и Альмейда сосредоточились на своих сигаретах, а Том Андерсон беспечно перелистывал страницы меню, так и не сумев разыскать приличествующий для себя эксклюзив в колонке «Десерт». Все трое погрузились в осмысление прозвучавшей информации: Альмейда в ожидании одобрения сообщенных им конфиденциальных сведений, за которые рассчитывал получить приличное вознаграждение, Том Андерсон был бы рад услышать похвалу от шефа за проявленную инициативу и информационную удачу, а Дарси, как натасканный гончий пес почуял, что взял верный след.

– Ну что ж, – прокашлявшись, сказал Дарси. – Из этой информации может выйти толк. Я благодарю вас месье Альмейда за неё и переданные материалы. Вопросы причитающегося гонорара прошу окончательно согласовать с Томом и надеюсь, что у нас эта не последняя встреча. А тебя Том, я жду завтра в офисе не позднее девяти утра.

Произнеся эти слова, он встал из-за стола, застегнул пиджак и поправил сбившийся на сторону галстук, затем протянул правую руку и крепким рукопожатием попрощался вначале с Альмейда, а потом с Андерсоном. Поощрительно улыбнувшись обоим, вышел из ресторана на улицу, где его встретил всё тот же мелкий, не по-августовски холодный дождь.

Наконец, мужчина уселся за руль своего BMW и повернул ключ в замке зажигания. Автомобиль моментально откликнулся мощным вздохом своей шестицилиндровой груди и понес хозяина сквозь радужно-акварельный в ночных огнях Париж.

Глава IX

Утром следующего дня, ровно в назначенный час, не выспавшийся Том Андерсон, зашел в кабинет своего патрона. И без того рыхлое лицо Тома выглядело помятым и ещё более оплывшим, сохраняя следы долгого и бурного ночного кутежа, который им был вчера на радостях устроен на пару со своим приятелем Лукашем после ухода Дарси.

Кабинет, в котором уже находился Дарси, представлял собой в этот день особо малопривлекательное зрелище и явно нуждался в генеральной уборке. На столе и подоконнике все также громоздились кипы ещё более пыльных, чем три дня назад книг, журналов, сброшюрованных отчетов и внушительные пачки разрозненных листов бумаги, с какими-то напечатанными текстами.

Под потолком устойчиво зависло синеватое облачко сигаретного дыма, а в пепельнице возвышалась вулканическая кучка окурков от сигарет "Parliament". Монитор компьютера был развернут вбок, что указывало на то, что потребности в нем никакой не было.

Все эти внешние признаки указывали на то, что хозяин кабинета появился в своей офисной берлоге задолго до прихода Тома Андерсона.

Брайан Дарси сидел в своем кресле без пиджака, без галстука, а рукава белой рубашки были подтянуты к плечам. Взглянув на вошедшего заместителя, Дарси, не вставая со своего места, поднял руку для приветствия и жестом пригласил его занять соседний стул.

– Знаешь, Том, – сказал Дарси, так словно разговор не прерывался со вчерашнего вечера, – то, что рассказал Альмейда далеко выходит за рамки нашей проблемы. Если на этих территориях раскинулся новый нефтяной Персидский залив, то это настоящее Эльдorado, куда со всех сторон ринутся все более-менее значимые участники мирового нефтяного бизнеса, а на биржевых рынках возникнут невероятные всплески котировок и курсов акций. Учитывая неустойчивость местного правительства, его продажность и зависимость от всевозможных финансовых подачек можно ожидать, что на этой terra incognita начнется настоящая рубка за место под солнцем. Такая информация дорогого стоит.

Теперь выслушай меня. Применительно к нашим обязательствам перед "UNIPETRO" у меня возникли некоторые соображения, но прежде чем рассказать о них, прошу Том убедить меня в том, что мы можем доверять Альмейда? Деньги за свою информацию он, безусловно, получит. Это обстоятельство, без сомнений, закрепляет его за нами, но не менее важно, чтобы он не разболтал эти сведения хотя бы в течение ближайших двух-трех месяцев.

– Надо больше доверять людям, Брайан, – откликнулся Андерсон, резко развернув своим телом стул, на котором с трудом удерживался, в сторону своего патрона. – Альмейде можно верить. Знаю его 15 лет. У него есть представление о профессиональной этике, которую легче соблюдать, чем нарушать при условии, что ты ни от кого не зависишь. А Альмейда как журналист держится в категории freelance уже несколько лет, и ни разу не был замечен в некорректности или желании сыграть двойную игру. Помимо вознаграждения, которое он завтра получит, я готов обещать ему контракт на подготовку ряда материалов по темам, над которыми и мы сами сейчас работаем. Слава богу, заказов у нас хватает.

– ОК, Том. Здесь проблем нет. Я не возражаю. Я тоже хотел бы думать, что Альмейда полезный человек и пусть он остается в твоём распоряжении и под твоим контролем. Загрузи его контрактами, статьями – чем хочешь, и так, чтобы он оставался у тебя на коротком поводке как можно дольше. Это поможет в какой-то степени удержать в секрете полученную информацию. Нам нужно выиграть время, и нужны эти месяцы. Хотя положение явно шаткое. В любой момент бразильское правительство может изменить свое мнение и разыграть карту большой гонки за нефтью, или та же "OGW-Amazonas" проговорится – ведь она особыми обязатель-

ствами до сих пор не связана. И главное, не за горами результаты, на которые выйдут американские бурильщики. Нам нужно торопиться.

Дарси выдержал паузу, встал и сделал несколько шагов по кабинету. Затем в раздумье остановился и присел на край стола. – Итак, идея следующая. Для быстрой капитализации и повышения своего инвестиционного рейтинга "UNIPETRO" должна в максимально короткий срок добиться от президента и правительства Республики Маку решения, подтверждающего лицензии на эксплуатацию этих четырех участков в прибрежной зоне. Заявки поданы давно, зависли и не удовлетворяются по неизвестным причинам.

Если добиться такого решения, то тогда вкупе с информацией от Альмейда, этого будет достаточно для того, чтобы побудить арабов вложить деньги в активы "UNIPETRO". Уже одного этого будет достаточно, чтобы рейтинги компании и стоимость её ценных бумаг поползли вверх.

Как долго эта идиллия будет продолжаться, никто не скажет, но лично нам это и не нужно. Это не наша головная боль. Главное в том, что сейчас, именно сейчас мы дадим "UNIPETRO" нужный совет и тем самым закроем свои обязательства перед ними. Сохраним на будущее выгодного клиента и для себя оправдаем с лихвой затраченные на исследование деньги.

– Звучит довольно убедительно, – ухмыльнулся Андерсон. – Большого от нас ждать не приходится. Нам и так повезло, что Альмейда так удачно подвернулся.

– Ну, и хорошо. На том и остановимся, – резюмировал Дарси. Мужчина взял со стола аналитический отчет, материалы от Альмейда и ещё пару каких-то записок; сложил всё в одну папку и направился к выходу из кабинета. – Я на встречу с парнями из "UNIPETRO". Думаю, они будут рады тому, что мы поможем спасти их шкуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.